

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ТИТАНЕЦ

*(Подборка впечатлений об этом лучшем из миров –
автоинтервью в связи с шестидесятилетием)*

*Светлой памяти моей тети Шякярбану Хакимовой,
полвека назад предсказавшей, что я стану писателем*

Фрагмент фантастического интервью, взятого у известного азербайджанского писателя-фантаста Александра Хакимова осенью 2012 года:

– Многие ваши друзья шутят, что по своим моральным качествам вы заметно отличаетесь от современных людей, и называют вас человеком из будущего или пришельцем с другой планеты. Как вы к этому относитесь?

– Хорошо. Я вижу, настал момент мне кое в чем сознаться. Я на самом деле – не человек. В смысле, не землянин.

– А кто же?!

– Титанец. Разумное существо с одного из естественных спутников планеты Сатурн. Более полувека назад я случайно попал на вашу планету, и с той поры живу человеческой жизнью. То, что вы все время видите перед собой, – это биоскафандр, то, что вы слышите, – трансляционное устройство. Причем скафандр мой сделан настолько искусно, что многочисленные медкомиссии, которые я вынужден был проходить в своей жизни, так и не распознали во мне неземянина. Впрочем, они особо и не старались.

– И каков же ваш истинный облик?

– Хотите знать, как я выгляжу? Пожалуйста. На самом деле я, как и все титанцы, похож на своеобразную помесь гусеницы и краба длиной в метр, у меня ноги-присоски и руки-клешни, восемь глаз разной величины и десяток сердец, расположенных цепочкой вдоль тела. Моя кровь – не водный раствор, а раствор метана. Вообще моя биохимия сильно отличается от вашей. Если бы не защитная человекообразная оболочка, на Земле я бы давно уже вскипел, испаряя высокотоксичные соединения серы и фосфора, так что находиться рядом со мной было бы весьма небезопасно... Впрочем, и землянам не выжить без скафандров, когда вы придете к нам, на Титан. Ведь обычная температура на его поверхности – минус 140 градусов по Цельсию, небо покрыто едкими оранжевыми облаками из азота, на экваторе Титана плещутся огромные озера жидкого метана. Жидкость находится в постоянной циркуляции – все время испаряется, а потом выпадает в виде осадков. И дождь у нас – это жидкий метан, а снег – замерзший аммиак... По сравнению с жителями Земли, привыкшими к яркому солнцу, мы постоянно живем в полутьме, не видя ни солнца, ни звезд... Неуютный мир, скажете? Но это, может, для вас. А для нас он вполне привычен.

– Да... И чем же вы занимались там, на Титане? Какая у вас была, так сказать, профессия?

– Одни племена титанцев живут на равнинах, другие – возле озер. Первые занимаются коллективной охотой на диких тварей, или пасут стада домашнего скота, или фермерствуют, разводя грибки... вторые заняты рыболовством – тоже коллективным. В метановых озерах водятся громадные панцирные рыбы. Хотя на Титане

есть и растительные формы жизни, мы предпочитаем все-таки мясо. Белок, знаете ли. Так что я – из рыбаков.

– А вы, извините, самец или самка? То есть мужчина или женщина?

– И то, и другое. Гермафродит.

– И как вам у нас, на Земле? Нравится? Не трудно среди людей?

– Земля – прекраснейшая планета, но я так и не привык к вашей жаре и вашему яркому солнцу. И в общении порой бывает очень трудно. У нас там, на Титане, все отличаются исключительными моральными качествами. Мы все великодушны, отзывчивы, честны, веселы, добропорядочны, вежливы, исполнительны, аккуратны, всегда держим свое слово. Мы очень дружны и спаянны. Иначе нам не выжить было бы в нелегких наших условиях. И, кардинально изменив внешность, я сохранил, тем не менее, душевные качества титанца. Они часто входят в противоречие с менталитетом землян, и тогда я испытываю сильный стресс. Хорошо еще, что у титанцев устойчивая нервная система...

– Титановая?

– Отличный каламбур! Кстати, многие из нас – прекрасные поэты, художники, музыканты. Мы очень любим искусство.

...

– Я так и думала, что это – розыгрыш...

– Скорее, психологический этюд. Или легкий тест на ксенофобию в широком смысле этого слова. Действительно, к вам в редакцию частенько захаживает немолодой, грузный, добродушный Хакимов, галантный к дамам, знающий массу анекдотов, любящий кошек, рок-музыку и кинокомедии... Он вам, безусловно, нравится. А вот что будет, если тот же самый Хакимов вползет к вам огромной жирной двуполой гусеницей с восемью глазами и мощными клешнями, способными перекусить стальной прут? Я не спрашиваю даже, понравится ли он вам – будете ли вы с ним вообще разговаривать? Какова будет ваша реакция? Убежите с визгом, стукнете шваброй, приснете на него из перцового баллончика? Или все-таки попытаетесь как-нибудь найти общий язык? При том, учтите, эта крабогусеница по-прежнему любит кошек и рок-музыку и знает массу анекдотов... Вот что меня очень волнует, вот над чем я мучительно размышляю во многих своих рассказах и эссе...

– Почему эта тема вас так волнует?

– Видите ли, мы живем в очень интересное время. Человечество вышло в космос, очень скоро оно достигнет других планет Солнечной системы. Существует большая вероятность того, что люди встретят разумных существ на других планетах, либо же разумные существа с других планет заявятся к нам в гости. Это неважно, кто к кому первым заявится. Важно – как пройдет встреча представителей двух разных миров. Особенно, если наши братья по разуму будут существенно отличаться от землян. Да не покажутся вам эти размышления праздными – они остро актуальны для нас, людей, и для нашей, реальной жизни. Мы с вами ежедневно видим массу примеров того, как люди калечат и убивают друг друга – по политическим, расовым или религиозным мотивам. Все они принадлежат к одному и тому же биологическому виду – Человек Разумный, что, впрочем, не мешает и никогда не мешало одним человекам сгонять других человек в концлагеря, травить газом и сжигать в печах, обращать в рабство население целых континентов и просто-напросто истреблять целые народы... Что же будет, когда в нашей жизни появятся нечеловекообразные братья по разуму? Выросшие и разившиеся не только на Марсе или Титане (то есть под одним с нами Солнцем), а вообще под другими звездами? Представляете, какая вспышка ксенофобии может случиться, несмотря на то, что пришельцы могут быть и дружелюбны, и высокогуманны, и в чем-то полезны для нас?

– У меня создается такое впечатление, будто вы действительно скрытый инопланетянин и постепенно готовите почву для вторжения...

– Если бы я был инопланетянином и подготавливал вторжение, мне было бы глубоко наплевать на то, как к нам отнесутся люди. В том-то и дело, что я человек и готовлю почву для возможного контакта. Контакта, а не вторжения.

– *А почему вы назвались титанцем? А не марсианином или венерианцем?*

– Меня, как и многих других ученых, сейчас интересует именно Титан. После исследования этой сатурнианской «луны» автоматическими зондами «Кассини» и «Гюйгенс» мы узнали много нового и удивительного. Титан – единственная в нашей Солнечной системе «луна» с атмосферой. Это как бы своеобразная «капсула времени» – изучая Титан, можно составить представление о том, как выглядела Земля до появления на ней жизни. Есть вероятность того, что на Титане обитают какие-то организмы. В то время, как на Марсе или на Венере жизни, скорее всего, нет. В своих статьях я часто упоминаю Титан... вот я и решил назваться титанцем. В фантастике это пока не так избито и банально, как «марсианин» или «венерианец». Будете у нас на Титане – милости прошу к нам на большое экваториальное озеро, на рыбалку...

– *Вы опять?!*

– Ну просто не могу удержаться. Ведь фантасту очень интересно представлять себя кем-либо иным, особенно внеземным существом. Хотя представить себе это очень и очень непросто.

– *В заключение – что вы хотели бы сказать как нашим читателям, так и, может быть, человечеству в целом?*

– Пригласить всех желающих на воскресную рыбалку к нам, на одно из громадных озер Титана. Знаете, какая там водится рыба? Шучу, шучу...

(осень 2019) ...Шучу, шучу. Не титанец я, а самый обыкновенный человек, рожденный земной матерью от земного отца. И тем я счастлив, хотя и титанцем иногда хотелось бы побыть; ведь главное – РАЗУМ, а то, в каком теле он находится, – дело второстепенное... Но, хотя я и землянин, от этого не легче.

Вот, например, меня часто спрашивают, кем я себя считаю – биологом? писателем? журналистом? рок-музыкантом, автором песен? педагогом? Правильнее всего будет ответить: «Я – человек, которому все в этом мире интересно, который размышляет над всеми проявлениями мира, а плодами своих размышлений делится с другими, и плоды эти имеют вид рассказов, стихов, статей, песен, ролей, бесед, даже рисунков...»

Лучше, по-моему, и не скажешь. Разве нет?

Ну а насчет титанца...

Я биолог, я знаю... и уж если я побывал когда-то амебой в молодом океане;

– если я побывал когда-то гигантской хищной креветкой, хватающей и пожирающей все, что шевелилось на дне доисторического моря;

– если я побывал когда-то рыбиной в крупной чешуе и с плавниками, похожими на звериные лапы;

– если я побывал когда-то мезозойской рептилией с перепончатым парусом на спине;

– если я побывал когда-то полуптицей-полуящерицей, покрытой редкими перьями;

– если я побывал когда-то нахальной древесной обезьянкой;

и еще кем только не (это все плотно спрессовано и хранится где-то в глубинах моей генетической памяти) –

– то, черт подери, отчего мне не побыть жирной клешнястой гусеницей со спутника Сатурна?! Хотя бы в воображении своем?!

Да и как не хотеть представить себя титанцем, если научная фантастика буквально въелась в меня с самого детства? С раннего детства? Давайте-ка расскажу...

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ МОМЕНТ... Я, шестилетний малыш, жил с бабушкой, двумя дядями и тетей (все – со стороны отца) на третьем этаже трехэтажного дома, неподалеку от гостиницы «Мугань»; это в Баку; а родители мои в ту пору пребывали на Украине. Кроме нас, в квартире проживало еще две семьи, и коридор, и туалет были общими... Детский сад, в который я ходил, часто закрывался на карантин. И тогда утром взрослые убегали на работу, оставляя меня на весь день совершенно одного. Чтобы мне не было страшно и скучно, оставляли включенным радиоприемник. Но мне не было ни скучно, ни страшно. Меня выручали журналы и книги. Я очень рано выучился читать и в шестилетнем возрасте, нечувствительно перешагнув через сказки, принялся совать свой любопытный нос-курнос во «взрослую» литературу.

В нашей комнате стояла высокая узкая этажерка. На ней хранились пожитки членов нашей семьи: бабушкины нитки-иголки-ножницы-наперстки; нехитрая тетина косметика; коробочки со всякой скобяной мелочью, хозяйство дядей; толстый семейный фотоальбом в сафьяновом переплете; разные канцелярские принадлежности (карандаши, линейки, ластик, ручки, чернила), принадлежащие в равной степени всем; и еще на этажерке располагалась скудная семейная библиотека – два десятка разных журналов (от «Работницы» и «Здоровья» до «Вокруг света» и «Техники-молодежи») и десяток потрепанных книжек, приобретенных членами нашей семьи в разное время и по разному поводу. И в их числе – книжка, некогда купленная моим отцом. Она была выпущена в 1953 году московско-ленинградским издательством «Детгиз» и называлась «Звездные корабли». Сборник рассказов, автором которых был некий Иван Ефремов. На обложке едва можно было разглядеть рисунок: какой-то человек стреляет из ружья в нависшего над ним динозавра...

До этого я читал книжки хаотично, либо перескакивая с главы на главу, либо вообще бросая чтение на середине. И первой книжкой, которую я самостоятельно одолел от начала и до конца, были именно **«Звездные корабли»**. Плохонькая бумага, бледный шрифт, бледные иллюстрации художника Таубера (которые я с упоением раскрашивал цветными карандашами)... Но книга захватила меня целиком и полностью, я упорно читал текст, не понимая, естественно, многих слов но, тем не менее, осознавая смысл... Ах, какие рассказы были в этом сборнике! И «Звездные корабли», и «Тень минувшего», и «Олгой-хорхой», и «Гонец Подлунный», и «Озеро Горных Духов», и «Белый Рог», и «Обсерватория «Нур-и-Дешт»... Но перед тем, как приступить к чтению, я всегда подолгу разглядывал форзац книжки. На нем были изображены два динозавра посреди сумрачной болотистой равнины; изогнув длинные шеи, они с изумлением провожали взглядами падающий с неба метеор... Этот рисунок оказывал на меня какое-то волшебное, чуть ли не гипнотическое воздействие! Я словно заглядывал в далекое прошлое нашей планеты через какое-то чудесное окно!

Этот момент в моей жизни я бы назвал **«определяющим»**. Мое детское нутро **«срезонировало»** на фантастику.

Позднее я заинтересовался жизнью, научной и литературной деятельностью Ивана Антоновича Ефремова всерьез. А тогда, в 66-м, я был настолько очарован его **«рассказами о необыкновенном»** (именно так автор называл свое раннее творчество), что стащил с вышеупомянутой этажерки чистую тетрадку и карандаш и, обуреваемый вдохновением, принялся сочинять вещь «под Ефремова» (писать я тоже выучился рано). Я на ходу придумывал какую-то дико фантастическую историю о геологах-палеонтологах, которые пробираются через дремучие заросли, плывут по бурным рекам, увязают в болотах и вдруг находят где-то, в самом сердце джунглей, живых динозавров... И происходило все это у меня почему-то на острове Суматра (уже и не помню, почему, наверное, какой-нибудь статьей из «Вокруг света» было навеяно...). Я еще тогда и понятия не имел, что похожая история уже давным-давно написана и даже экранизирована, и что называется она «Кинг-Конг», и что страшный

остров Горы-Череп, на котором обитают кровожадные дикари, гигантская горилла и дожившие до наших времен динозавры, был помещен автором «Кинг-Конга» как раз где-то юго-западнее Суматры...

Повзрослев, я понял: книги Ивана Антоновича Ефремова всегда предназначались тем, кто внутренне настроен на восприятие **необыкновенного**. Во мне он нашел как раз такого читателя.

И еще. «Звездные корабли» были выпущены, напомним, издательством «Детгиз», позднее переименованным в «Детскую литературу». Да, в те времена издатели были весьма высокого мнения об умственных способностях детей...

Став взрослым и сделавшись прозаиком, я часто пытался описать свое детство и юность, прошедшие в самом прекрасном из всех городов мира – Баку... Я старался отобразить как можно подробнее и ярче особую атмосферу тех лет, специфику бакинской жизни, знакомых мне людей, их дела, их увлечения; пожалуй, самым удачным получился рассказ «Медаль с козлом», законченный в марте 2010 года. Одна моя знакомая, прочитав его, сказала, что мне удалось втиснуть в небольшую по объему новеллу целых три эпохи... Впрочем, судите сами:

МЕДАЛЬ С КОЗЛОМ, рассказ

Когда мне было двенадцать лет, я больше всего на свете любил две вещи: в летний день лежать пузом на широком подоконнике и читать какую-нибудь фантастическую книжку.

Окно моей комнаты выходило в уютный бакинский двор. Прямо под окном рос могучий тутовник с густой кроной, солнечный свет проникал сквозь нее неяркими пятнами, и когда листву пошевеливал ветерок, пятна елозили по подоконнику. Ветви дерева располагались так близко к окну, что можно было просто протянуть руку, сорвать несколько ягод хар-гута и отправить их в рот – на секундочку оторвавшись от чтения. Рай, да и только! И, хотя было это почти сорок лет назад, в прошлом уже веке, я помню все до самых мельчайших подробностей...

Разумеется, для двенадцатилетнего мальчишки летом всегда найдется масса более увлекательных занятий, нежели чтение книг, – это и футбол, и пляж, и катание на самодельных подшипниковых «санках», и прогулки по паркам, и игра в войнушку... Но к пятому классу я всерьез заболел фантастикой и часто отказывался от игр и прогулок в пользу чтения, чем сильно огорчал своих дворовых друзей. Они не понимали – как это можно уткнуться носом в книжку летом, на каникулах, когда никто не заставляет тебя читать – и не пойти попинать мяч? А я не понимал, как это можно оторваться от книжки, в которой описаны приключения человека-невидимки? Или от книжки про экспедицию в «затерянный мир», где сохранились динозавры и первобытные дикари-каннибалы? Или от путешествия двоих землян на Марс – красная пустыня, кактусы, гигантские пауки, угасающая марсианская цивилизация, красавица Аэлита? Или от погружения подлодки «Наутилус» в океанскую бездну, населенную кошмарными спрутами?.. В конце концов друзья, безрезультатно поорав под окном, уходили пинать мяч или играть в ловитки без меня, а я жадно листал потрепанные страницы, упиваясь невероятными историями...

Иногда, когда глаза уставали, я отрывался от книжки и рассеянно смотрел во двор с высоты третьего этажа. Залитый смягченным солнечным светом прямоугольник двора буквально кипел жизнью. Резвились дети – девочки прыгали через веревочку или играли в «классы», расчертив мелом асфальт на квадратики; мальчишки носились, как угорелые. Бабушки – одни сидели на лавочке, обсуждая все и всех вокруг, другие были заняты делом, развешивали, например, белье, или сушили подушки, или чесали шерсть... Дедушки степенно пили чай за самодельными столиками, или играли в нарды, или мастерили что-то по мелочи... Молодежь катила коляски, во-

зилась с велосипедами, а кое-кто и с мотоциклом... Из раскрытых окон доносились чьи-то голоса, звучало радио, треньбренькало пианино – некий несчастный ребенок уныло разучивал гаммы... Чирикали воробьи... Налетающий ветерок шелестел листвой... Я слушал этот многосложный шум летнего бакинского двора, и это было как массаж для нервов.

А по выходным дням в одном из углов двора собирались игроки в лото. На длинных скамьях у длинного стола.

О вы, побывавшие в казино Монте-Карло и Лас-Вегаса! Вам никогда не податься до вершины страстей бакинских дворовых игроков в лото! Что там карты и рулетка против оцифрованных деревянных бочонков! Что там проигранные или выигранные тысячи и миллионы долларов по сравнению с двадцатикопеечными монетами, закрывающими «очки» на разлинованных карточках! Настоящий мужской спорт (а в дворовое лото играли исключительно мужчины, самого разного возраста, самых разных профессий, самых разных национальностей, самого разного социального положения – их всех братски объединяла одна, но пламенная страсть!) И этот незабываемый специфический звук – постукивание игральных бочонков, вслепую перемешиваемых в мешочке! И голос человека, который наугад вытаскивал бочонки и оглашал их номинал (это называлось **«кричать»**)! И эти специфические возгласы – игровые термины, со стороны напоминающие бред сумасшедшего (**«барабанные палочки!»**, **«Семен Семеныч!»**, **«бабушка!»**, **«лебеди!»**, **«кочерга!»**, **«дедушка!»**), а на самом деле обозначающие ту или иную цифру или число на бочонке... В субботние и воскресные дни заядлые игроки прямо с раннего утра садились за большой стол в углу двора и резались в режиме нон-стоп дотемна, при хиллом свете лампочки, позабыв про еду, про отдых, про семью, про все на свете. Иногда засидевшихся далеко за полночь лотоманов утаскивали домой преисполненные гнева жены... Бывало, что лотоманов разгоняли жильцы, которым игра мешала спать...

Игроки отмечали имеющиеся очки на карточках монетками по десять и двадцать копеек (их называли **«гривенники»** и **«двугривенные»**, а еще десятикопеечная монета носила странное название **«дикон»**, а двадцатикопеечная – **«лабазник»**); этими же монетами расплачивались по завершении партии. Одни проигравшие занимали денежку у тех, кому в игре подфартило. Другие проигравшие вскакивали и убегали домой – кланчить у домашних мелочь для продолжения игры или вытряхивать оную мелочь из копилки. Все это сопровождалось скандалами, но игрок, заполучив тем или иным путем деньги, возвращался к игровому столу, ибо, повторяю, в груди лотоманов бушевал азарт, ни в коей мере не сравнимый с азартом посетителей самых крутых казино мира.

Частенько на эти «турниры» заглядывал участковый милиционер. Игроки теснились, уважительно освобождая ему место на скамье. Участковый присаживался, снимал фуражку, неспешно утирал лысую макушку платком. По долгу службы ему полагалось пресекать азартные игры, тем более на деньги, тем более публичные... Но участковый был старым бакинцем и мудрым человеком. Убедившись, что игра идет по мелочи, и что нет ни шума, ни драки, он сидел немного для внушительности, а потом удалялся, непременно сказав на прощанье: «Смотрите, чтобы все в порядке было!» Игроки шумно заверяли представителя власти, что все будет в полнейшем порядке, без шума, так сказать, и без пыли, но – чего греха таить – с облегчением вздыхали, когда участковый уходил. И игра продолжалась дальше. И звуки, сопровождающие игру в лото, были неотъемлемой частью шумового фона большинства из бакинских дворов...

Отдельно от лотошников располагался **«козлодром»** – длинный дощатый стол для сражающихся в домино или, говоря на сленге, «забивающих «козла». В нынешнее время, густо и прочно пропитанное блатной «феней», любому малышу известно, что означает слово «козел» и что бывает за несанкционированное его

применение (неосторожно сказавши, за «козла» можно и ответить – базар надобно фильтровать, чуваки!). Во времена моего детства блатарей в бакинских дворах тоже хватало, но «козлом» чаще всего называли проигравшего партию в домино... Игра сопровождалась своим, не менее специфическим звуковым сопровождением – шуршанием перемешиваемых костяшек домино (их называли «**камями**»), мощными ударами вышеупомянутых камней по столу, азартными возгласами, своей особой терминологией (так, например, камень «дубль-шесть» именовался, простите, «**ишак-ком**», а «шесть-пять» – «**заместителем**», ну и так далее). Время от времени от «козлодрома» доносились дикие вопли «**на базар!**», «**дуплюсь!**», «**рыба!**» и прочее в таком же духе.

Мой отец был заядлым лотоманом, однако – невероятно, но факт! – под нажимом мамы оставил Большое Лото, да и Малое, если можно так выразиться, тоже. Уж очень допоздна засиживался он за столом, не высыпался и в таком состоянии шел на работу, чаще проигрывал, чем выигрывал (по мелочи-то оно по мелочи, но иногда набегала приличная сумма), одалживал деньги у друзей, а то и потрошил с помощью кухонного ножа домашнюю копилку (красивая у нас была копилка, пластмассовая, в виде домика с окошками и трубой!)... В конце концов, после нескольких крупных разговоров, отец переключился на «козла». Совсем уж не играть он никак не мог: все ж-таки он был бакинцем, а практически у каждого бакинца страсть к играм – в крови. Кроме того, он был человеком общительным и очень нуждался в дружеской мужской компании (помню его, как сейчас – вот он сидит за столом, зажавши в углу рта сигарету и, щурясь от дыма, переводя взгляд с вытянувшейся по столу доминошной «**змейки**» на зажатые в пальцах камни и обратно, потом, выбрав нужный камень, с размаху обрушивает его на стол, отчего «змейка» нервно подпрыгивает, а удар этот, несомненно, фиксируется всеми сейсмостанциями Северного Кавказа и Закавказья... И щурится на остальных игроков – как сыграют они? В такие минуты отец выглядел не сорокалетним мужчиной, прошедшим огни и воды, и Крым, как говорится, и Надым, а совсем юным озорным пареньком...).

Как-то вечером, когда я читал «Трудно быть Богом», отец подозвал меня к себе. Мне страшно не хотелось отрываться от Стругацких, но Кавказ есть Кавказ – **слово отца тут закон**. Я с сожалением отложил книжку и босиком пошлепал к родителю. Отец протянул мне какой-то предмет.

– Глянь, – мрачно сказал он.

Я глянул. Это была самодельная медаль из бронзы, величиной чуть меньше чайного блюдца. На медали красовался выпуклый профиль козлиной головы – карикатурное такое изображение. В обрамлении лавровых веточек полукругом шла надпись: «**ЗНАТНОМУ КОЗЛУ**». Я взял медаль, покачал ее на ладони. Ого, тяжеленькая! И вон даже ушко есть для продевания сквозь него ленточки или веревочки...

– Переверни, – мрачно сказал отец.

На обратной стороне вытиснено было четверостишие:

*«Носи ее на шее смело,
Не вешай голову свою,
И не печалься – что за дело?
Ты в честном выиграл бою!»*

Я хихикнул и спросил:

– Это кто же такое сделал?

– Это? Это... – и отец назвал имя одного из наших дальних соседей, веселого мужика, мастера на все руки.

– А почему медаль у тебя? – неосторожно спросил я.

– Потому что сегодня «козлом» остался я! – гаркнул отец, испепелил меня взглядом и удалился, хлопнув дверью. Отыгрываться пошел, что ли? Впрочем, медаль

он оставил дома.

Я уже и не помню, как так получилось, что эта замечательная медаль насовсем осталась в нашем доме. Я хранил ее в коробке со всякими **диковинками** – тропическими морскими раковинами, сувенирами, курительными трубками, всякими фигурками... Став взрослым, часто показывал медаль знакомым и гостям. Каждая такая демонстрация сопровождалась взрывом веселья и бурей восторга. Со временем я привык к этой забавной медали и думал, что она будет лежать у меня в коробке вечно... Вот только не учел я тогда, что ничего вечного в этой жизни практически не бывает.

...Прошло два десятка лет, и открылся ящик Пандоры, и несчастья и испытания посыпались на головы людей. Наша семья не стала исключением.

Развалилась огромная страна, в которой мы все родились и выросли. Но появилась наша, независимая страна. У нее не все заладилось с самого начала. Политическая неразбериха, война, рухнувшая экономика. **Хаос.**

Тяжело, неизлечимо заболела мама. Сильно сдал отец. Я крепился как мог, хотя на работе не платили жалованья по многу месяцев. Банк, в который мы вложили наши небольшие средства, оказался жульнической «пирамидой». Позарез нужны были деньги. Не **шиковать** – элементарно **выжить**. И мы с отцом принялись распродавать вещи из дому. Чтобы хоть как-то прокормиться. Надо было кормить маму. О лечении и речи не шло – просто кормить...

Тогда-то я и понял весь ужас людей, в революцию или в блокаду распродававших свои вещи ради куска хлеба.

Я распродал свою библиотеку фантастики, которую терпеливо собирал более пятнадцати лет – странно, но в эту дикую годину еще покупали книги, и слава Богу... Я продал свою небольшую коллекцию марок. Я продал японский двухкассетный магнитофон – подарок мамы к окончанию мною университета. Из моей коробки-кунсткамеры ушли в чужие руки и шариковая ручка в виде кинжала (тюремная работа), и большая курительная трубка с чашечкой в виде головы негра (тюремная работа), и зажигалка-пистолет (тоже тюремная работа; вообще у меня было немало таких вещей, сработанных эсками, надарили в свое время)...

Пришла очередь медали. К этому времени и мама, и отец ушли в мир иной, и я остался один.

В тот день – а было это поздней осенью – моросил нескончаемый дождь. Было зябко, я дрожал мелкой дрожью и никак не мог согреться. Договорившись по-хорошему с местным полицейским, я устроился на автобусной остановке, под дырявым навесом, и разложил на скамейке свой жалкий товар – двухтомник Стругацких, сборник Лема (от сердца отрывал, с кровяной, клянусь вам!) и самодельную бронзовую медаль с профилем козла...

Тут из ближайшего кабака вывалилась группа молодых мужиков весьма специфической наружности. В спортивных костюмах, кожаных куртках, накачанные, коротко стриженные и очень в себе уверенные. Это были натуральные **братки**, причем не наши, азербайджанские, а приехавшие из России по каким-то своим лихим делам. Проходя мимо остановки, они случайно глянули на мои «товары».

На книги, естественно, они не обратили никакого внимания, а вот медаль сразу их заинтересовала. Они взяли ее со скамейки и принялись разглядывать, возбужденно переговариваясь и не обращая на меня ровно никакого внимания. Словно меня и не было тут вовсе.

Я поджался. Но братки явно не замышляли зла – они по-детски смеялись, разглядывая медаль и повторяя «козел, не, ну, слышь, козел!» и тому подобное. Потом один из них, со шрамом в углу рта, спросил:

– За сколько отдаешь, брателло?

Я сказал, за сколько. Сумма была вполне приемлемой. Впрочем, браток со шрамом торговаться не стал. Он извлек из бумажника смятую купюру и небрежно сунул мне в нагрудный карман. Я видел, что это за купюра. На нее можно было купить хлеба, пачку чая, пакет макарон, немного картошки и прожить несколько дней – при условии максимальной экономии. Слава Богу.

Братки удалялись, вырывая друг у друга медаль и гогоча. Потом они погрузились в «мерс» и укатили. Я молча смотрел им вслед. На секунду мне показалось, будто я только что предал свое детство, предал своего отца. Но потом это чувство прошло.

С тех пор минуло еще два десятка лет. Мне удалось выжить.

Понемногу я возвращаю себе библиотеку – хожу по книжным развалам и покупаю те же самые книги, которые когда-то продавал. У меня появилась коробка с новыми сувенирами – авторучки с самыми разными логотипами, монеты несуществующих уже стран, всякие игрушки-безделушки из-за рубежа, брелоки, необычные зажигалки, курительная трубка с чашечкой в виде головы лукавого Мефистофеля... Я думаю, со временем я смогу восстановить практически все, что утерял.

Кроме одной вещи. Самодельной бронзовой медали с профилем козла и незатейливым стишком. Это была штучная работа. И где она сейчас, у кого – ведомо одному лишь Богу...

Как вы уже, наверное, поняли, к книгам я испытываю священный трепет и отношусь к ним почти как к людям. Тем больнее мне видеть, как варварски порой обходятся с книгами... В ноябре 2010-го я написал своих «Бумажных сирот». Информационным поводом стала новость из Санкт-Петербурга, увиденная мною по телевизору. На мусорной свалке обнаружили множество книг из личной библиотеки известного петербургского поэта и прозаика Вадима Шефнера, ныне покойного. Вадим Сергеевич, потомок древнего аристократического рода, работал в самых разных жанрах, в том числе и в жанре фантастики (повести «Скромный гений», «Запоздалый стрелок», «Девушка у обрыва», «Круглая тайна» и другие). А стихи его были просто бесподобны. Как выяснилось, книги были выброшены рабочими, проводившими ремонт на бывшей квартире Шефнера. На помойке оказались редчайшие издания, а также книги известных советских и российских писателей и поэтов, многие – с дарственными надписями...

БУМАЖНЫЕ СИРОТЫ

«...В 52 году по Вооруженным Силам вышел приказ списать и уничтожить всю печатную продукцию идеологически вредного содержания. А в книгохранилище наших курсов свалена была трофейная библиотека, принадлежавшая, видимо, какому-то придворному маньчжоугоского императора Пу И. И, конечно же, ни у кого не было ни желания, ни возможности разобраться, где среди тысяч томов на японском, китайском, корейском, английском и немецком языках, где в этой уже приплесневевшей гряде агнцы, а где козлища, и приказано было списать все целиком.

...Был разгар лета, и жара стояла, и корчились переплеты в жарких черно-красных кучах, и чумазы, как черти в аду, курсанты суетились, и летали над всем расположением невесомые ключья пепла, а по ночам, невзирая на строжайший запрет, мы, офицеры-преподаватели, пробирались к заготовленным на завтра штабелям, хищно бросались, хватали, что попадало под руку, и уносили домой. Мне досталась превосходная «История Японии» на английском языке, «История сыска в эпоху Мэйдзи»...» (А. И. Б. Стругацкие, «Хромая судьба»).

Нет, мне не приходилось, как молодому лейтенанту-переводчику Аркадию Стругацкому, спасать книги таким образом – тайком выхватывая из штабелей, приговоренных к сожжению. Все выглядело гораздо прозаичнее. Мои штабеля валялись, как правило, на мусорных свалках. Попадали они туда по самым разным причинам. Вот тут одна из библиотек решила избавиться от «лишнего хлама». Вон там новый хозяин, въехав в купленную квартиру, решил выбросить книжки, принадлежавшие старому хозяину. А это вот – молодое поколение вышвырнуло из собственного дома груды томов, которые так дороги были их дедушкам и бабушкам. Вон, вон из дома – хлам, именуемый книгами!

Они напоминали беспризорных детей или раненых животных – с ободранными и оторванными обложками, с мятыми и разорванными страницами, неаппетитно заляпанные грязью и мусором, оскверненные бродячими собаками и кошками. Книги страдали молча, не взывая о помощи. И не только потому, что не умели говорить. Обладая книги даром речи, они бы все равно молчали. Ибо книги мудры и отлично понимают, что умолять о спасении бесполезно. Их время прошло. Они больше никому не нужны. И их будущее – Большая Городская Свалка и тлен. Или, в лучшем случае, раздерут на листы и свернут из них кулечки для семечек.

И тут появлялся я. Увы, я спасал не все подряд книги. У меня свои вкусы, свои пристрастия. Я подбирал томики научной фантастики, научно-популярные издания, познавательную литературу для детей, книжки с детства любимых мною авторов. И мысленно извинялся перед теми книгами, которым предстояло и дальше гнить на помойке. Особенно неприятно было видеть выброшенные толстые тома классиков научного коммунизма. Идеи, воспламенившие некогда миллионы и миллионы людей, проникшие в миллиарды голов, разделившие мир на два противоборствующих лагеря и влиявшие на историю человечества, лежали вперемешку с картофельными очистками и рваной обувью... Я пихал все подобранное в спортивную сумку и нес домой. Дома я приступал к многочасовой, кропотливой работе. Очищал обложки, скреплял полосками прозрачной бумаги разорванные страницы, подклеивал, сшивал и обрезал. Протирал спиртом. Эта работа для очень и очень терпеливых. Странно, но починка изуродованных книг ассоциировалась у меня с моей работой в военном госпитале (в далекой молодости я трудился санитаром). Точно так же там чинили, сшивали, скрепляли, чистили человеческие тела, пострадавшие при тех или иных обстоятельствах. Или это грешно – сравнивать книги с людьми? Но, так или иначе, после всех затраченных трудов подобранные на мусорке бумажные сироты приобретали довольно приличный вид.

Для чего я это делал? Уж не с коммерческой целью, можете поверить. Ибо безвозвратно ушла в прошлое эпоха, когда отдельно взятые дефицитные книги продавали из-под полы по тройному или даже пятикратному номиналу. Минули и те времена, когда покупатели приглядывались к книгам, разложенным на развале, или на каменном барьере, или просто на газоне, и, случалось, покупали что-нибудь. Когда-то за книгами охотились в буквальном смысле этого слова, из-за них дрались, ради них выстаивали длиннющие очереди, их, в конце концов, бесстыдно воровали из библиотек и частных коллекций. Все это стало историей, такой же отвлеченной, как история Древнего Египта или Империи инков. Нынешние дети не поверят, что подобные страсти могли разгораться из-за книг. Молодые просто не поймут этого. И в результате место книг – на свалках. В обнимку, так сказать, с бытовым мусором. Больно видеть.

Молодые опять же могут спросить с недоумением – а чего это я вожусь с загаженными книжками, когда стоит только войти в любой современный книжный магазин, и – опа! Вот они, роскошно изданные тома в глянце и акриле, все, что душе угодно, классики известные и классики неизвестные, авторы всегда разрешенные и авторы некогда запрещенные, литература для детей, для взрослых и просто для

блондинок, все, буквально все! И зачем, спрашивается, при таком богатом выборе копаться в антисанитарии и разводить дома лазарет и реставрационную мастерскую в одном флаконе?

Эхе-хе, – отвечу я с грустью, – но ведь те, прежние книги несут на себе печать **времени!** Это печать моего детства, юности моей, это утраченные цвета и запахи моих давних надежд и чаяний! Вот старенькая фантастическая книжка о полете космонавтов на Венеру; я читал ее тайком, держа под партой, вместо того, чтобы читать учебник по алгебре, был пойман училкой на месте преступления и с позором выдворен из класса! Вот старенький Конан-Дойль – в шестом, помнится, классе точно такой же томик я засунул за пояс, когда выходил драться с каким-то кентом на задний двор школы; я не хотел расставаться с Конан-Дойлем даже в бою, и та книжка окрасилась кровью, хлынувшей из моего расквашенного носа... А вот точно такого же Брэдли я с трудом добыл (вы не представляете, чего это стоило тогда – добыть Брэдли!) и подарил на день рождения пятнадцатилетней однокласснице, в благодарность за что был поцелован ею в щеку и потом не мыл эту щеку целый месяц... А вот точно такая же книжка поддержала меня в трудную минуту, я выпрямился и обрел второе дыхание... А вот эти научно-популярные книжки – о рыбах, о насекомых, о динозаврах – сделали так, что я в дальнейшем выбрал профессию биолога... Понимаете? Теперь понимаете? Нет? Это не просто книжки. Это слепок эпохи. Это консервированное время. Это как палеозойский муравей, замурованный в кусочке янтаря...

В культовом романе уже упомянутого Рэя Брэдли «**Фаренгейт 451**» описывается будущее Америки. Тоталитарный режим, при котором художественная литература признана вредной и сжигается из огнеметов. Каждый, кто хранит дома уцелевший томик стихов или старинный роман, объявляется преступником и подлежит аресту и суду. В кошмарном будущем «Фаренгейта» книги не нужны. Их заменили бесконечные сериалы, «мыльные оперы», пошлые юмористические шоу. Книги сжигаются специальными командами пожарных (о, ирония судьбы!). 451 градус по Фаренгейту – это температура воспламенения бумаги.

И вот настало то самое будущее, которого так ждали и в то же самое время так боялись все фантасты мира. Когда я, надевши резиновые перчатки, роюсь в грудях выброшенных на мусорку книг, мне часто приходит в голову: а ведь брэдлиевские злодеи, сжигавшие книги, проявляли тем самым **уважение** к ним, как к опасному, достойному противнику! А в нашей реальности книги такого уважения, увы, не удостоились. Их просто вышвыривают на свалку – бездумно, пренебрежительно. К крысам. Зачем они нужны, эти книги? Телеэкраны полны разборками звезд шоу-бизнеса, бесконечной серой лентой текут сериалы и «мыльные оперы», и бодро кричит реклама, и идут нескончаемые придурковатые «юмористические» передачи, и нас постоянно учат, как надо готовить то или иное блюдо или лечить геморрой народными средствами... Как хотите, а это показатель. Культура заметно изменилась (я не говорю «упала» или что-то в этом роде, просто – **изменилась**). Книг больше не читают. Они перестали быть необходимостью. Есть Интернет, есть плееры и мобильники с закачанными мелодиями, есть 4D-кинотеатры...

Но я в очередной раз вешаю на плечо сумку, запикиваю в карман резиновые перчатки и иду спасать выброшенные книги. А однажды мне даже пришлось выхватывать хорошие старые книжки из огня – детвора, забавляясь, швыряла их в костер... Мне удивляются, надо мной подшучивают... но я ведь не один такой! Я знаю нескольких человек, которые также заняты спасением отверженных книг. Все они примерно одного со мной возраста или чуть постарше. Возможно, мы и чудачки. Возможно, мы просто чокнутые. Ведь на свалках встречаются не только выброшенные книги, там нередко ютятся и беспризорные дети, так не лучше ли помочь беспризорникам? Но я помогаю, чем могу, и детям – подкармливаю, даю одежду, обувь... И не могу понять, чего тут больше – то ли врожденной доброты, то ли за-

щитной реакции психики на окружающую действительность... Однако уверен в одном твердо: тот, кто не пройдет мимо выброшенной книги, не пройдет и мимо брошенного ребенка. Одно, знаете ли, тесно связано с другим.

...Мне могут возразить: зачем так возиться с бумажными книгами, когда существуют книги электронные? Но все дело в том, что я упрямо не признаю электронных книг и все время ратую за бумажные. Почему – это отдельный разговор.

Никак не могу понять: любовь к книгам – она врожденная или приобретается?

Да так ли это важно? Наверное, гораздо важнее, чтобы ребенок с детства был окружен хорошими книгами; коли любовь к чтению в нем запрограммирована генетически, то она проявится обязательно. Были бы книги. Разные, чтобы имелся выбор.

Детство... Мне в детстве, как вы уже поняли, повезло с книгами. Во многом повезло и с людьми, которые меня окружали. Да, вы можете спросить: а кто она, эта тетя, которой я посвятил данный опус? Сейчас я вам расскажу...

МИЛАЯ, МИЛАЯ ТЕТЯ...

Тетя по отцу, женщина с экзотическим, но так понятным любому татарину и вообще тюрку именем Шякярбану (правда, ее чаще называли упрощенно – Шани и, почему-то, Лида). Несмотря на «сладкое» имя (**Шякяр** – сахар), жизнь моей тети была горше некуда. Редко мне приходилось встречать в своей жизни женщин, на которых обрушивалось бы столько несчастий и неудач, как на мою бедную тетю... Она пережила трудные военные и послевоенные годы (Великая Отечественная не коснулась Баку прямо, но все же сильно затронула); при Сталине мотала срок; единственная попытка создать семью длилась недолго и закончилась крахом – ей попался редкостный **муфлон**...

За что срок? Окончив среднюю школу в голодные послевоенные годы, она устроилась швеей на фабрику имени Володарского и попыталась стащить оттуда две катушки ниток – чтобы продать и купить чего-нибудь съестного. На проходной ее задержали, обыскали, изъяли «вынос», завели дело, передали его в суд, впяли пять лет и отправили в один из мордовских лагерей – тогда с этим было строго. Весь срок ей отбывать не пришлось, выпустили по амнистии через три года. От нее услышал я массу лагерных баек, поговорок и песенок, разумеется, таких, которые не содержали мата и годились для подростковых ушей.

Несмотря на все это, тетя Шякярбану держалась стойко и отличалась оптимизмом. Боролась с жизнью, пока ее саму не поборол рак.

Нет, правда – когда у нее спрашивали «Недзясян?» (в переводе с азербайджанского «Ну, как ты?», тетя неизменно отвечала **«Мых кими!»** (в переводе на русский – «Как гвоздь!»). Могла ответить и по-русски: **«Шик, блеск, красота!»**. Бодрилась, как бы ни было паршиво у нее на душе.

Не скрою, время от времени тетя срывалась, становилась раздражительной и неприветливой, огрызалась на замечания, бывало, замыкалась в себе... но вскоре оптимизм брал верх, и она становилась прежней. Сейчас, многие годы спустя, я просто поражаюсь, насколько редкими были эти срывы; я знавал женщин, которые пережили куда меньше бедствий, но, тем не менее, постоянно вели себя, как цепные собаки...

Тетя Шякярбану была самой **«продвинутой»** в нашей семье, очень много читала, была записана в несколько бакинских библиотек, постоянно приносила с работы всякие интересные журналы, например, «Смену» и «Иностранную литературу»...

Она всячески поддерживала во мне любовь к чтению, в отличие от отца, который не особо любил читать сам и не одобрял мою тягу к книжкам. Правда, тетя Шякярбану не жаловала фантастику, предпочитая классику, исторические романы, книги об искусстве, о животных (помню, как она читала вслух мне, малышу, **«Нгоньяму Желтогривого»** – чудесную повесть о жизни дикого льва в африканской саванне); но на меня тетя не давила никоим образом – фантастика так фантастика. Когда я в подростковом возрасте серьезно **заболел** Рэем Брэдбери, тетя искала и находила для меня его публикации в разных газетах и журналах. Не имея своих детей, она всю свою нерастрченную нежность и любовь обратила на меня (по воле судеб отца и мать в детстве я видел время от времени, а вот с тетей жил постоянно). Кстати, тетя Шякярбану часто **«ванговала»** с улыбкой, что я стану-де известным писателем. Почему-то (сейчас я уже не помню, почему) она просила, чтобы я взял себе в будущем псевдоним **«Волчий Хвост»** (прямо индейское имя какое-то)...

Рак догрыз тетю жарким летом 1979-го. Обиднее всего, что я тогда служил в армии, и на похороны меня не отпустили: тети-дяди не относятся, мол, к той категории родственников, по смерти которых солдату дают отпуск... Так и погребли ее без меня.

...Есть люди, от которых при жизни нет никакой пользы. Тетя Шякярбану оказалась из тех, кто приносит пользу даже после смерти. Оказалось, что она застраховала жизнь на мое имя, и после ее кончины я получил энную сумму. Оказалось, что при жизни она встала в очередь на телефон, и после ее кончины нам установили дома аппарат. И еще после нее осталась старая пишущая машинка «Москва» (тетя трудилась секретарь-машинисткой, подрабатывала печатанием статей, диссертаций, документов и прочее и часто брала работу на дом); на этой машинке я самостоятельно научился печатать...

Я ее часто вспоминаю. И часто молю Всевышнего, в которого верю: эта женщина порядком натерпелась при жизни: награди же ее раем после смерти! Это было бы в высшей степени **справедливо**.

Ну а я – много работаю для того, чтобы стать известным писателем. Чтобы сбылось то шутовское (а может, и не шутовское) пророчество из далекого моего детства...

...Не один я сызмальства тянулся к сочинительству и усердно марал бумагу, стремясь к совершенству в письме; у меня есть точно такие же друзья; об одном из друзей и о нашем с ним творческом союзе я написал в декабре 2017-го:

В ДРУГОЙ ЖИЗНИ, НО В ЭТОЙ...

...Тридцать с небольшим лет назад, когда писательский зуд сделался совершенно невыносимым и требовал немедленной реализации, у меня появился первый в жизни соавтор, **Фарид Алекперли** – вам, безусловно, известно это имя.

Крупный ученый, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, исследователь, переводчик, автор многих научных монографий и научно-популярных книг и статей... А в первой половине 80-х он, как и я, был студентом биофака Азгосуниверситета, мы не просто учились в одной группе, но и просидели все пять лет за одной партой, вместе ездили в экспедиции, взахлеб читали фантастику, интересовались всем на свете и помаленьку пробовали писать... Это было этакое литературное **баловство**, которое, тем не менее, очень помогло нам обоим наработать стиль и воспитало у нас **«чувство слова»**...

Осень 1986 года выдалась памятной для советских людей. Это был не просто разгар перестройки, внушившей многим (особенно интеллектуалам) мысль, что вот именно сейчас-то мы сможем достичь чего-либо значительного своим собственным умом... Осенью 86-го мы с Фаридом только-только получили дипломы и были распределены: он – в Рукописный фонд нашей Академии наук, я – в Институт ботаники при той же академии. В общем, это было время крупных перемен и еще более крупных надежд.

И у Фариды, и у меня в головах крутилось множество смелых творческих проектов. Один такой проект и сделал нас соавторами. Мы всерьез засели за фантастико-приключенческий роман под условным названием **«Своими глазами»**. Сюжет его был незатейлив, но весьма, весьма занимателен. Судите сами: домой к главному герою, известному азербайджанскому историку и археологу, вдруг является незнакомец, молодой человек, и начинает говорить странные вещи. Ни много ни мало, гость уверяет, что построил машину времени и предлагает профессору отправиться вместе с ним в прошлое, в древний Азербайджан, во времена царя Атропата... Разумеется, профессор принимает гостя за сумасшедшего и намеревается выставить его из дома. Но молодой человек демонстрирует профессору уникальные старинные рукописи, а затем – странный аппарат с телеобъективом и клешней-манипулятором. По словам гостя, именно с помощью данного аппарата (зонда), запущенного в IV век до нашей эры, он и добыл эти рукописи – в одной из древних библиотек... Постепенно молодой человек убеждает ученого в своей правоте. Дальше – больше. Уже вдвоем они монтируют компактную машину времени в кузове автомобиля марки «Москвич» (помните, были такие легковушки, называемые в народе **«Москвич»-«будка»?**) и с ее помощью переносятся на две тысячи лет назад, в древнюю Габалу! Нашим героям предстояло испытать множество приключений, как опасных, так и забавных, и вернуться в наше время с грузом разнообразных впечатлений и с богатым научным материалом... Учтите, в то время мы и не подозревали о существовании фантастического фильма Роберта Земекиса «Назад, в будущее», вышедшего двумя годами ранее!

Будь роман дописан и опубликован, он стал бы первым фантастическим романом, герои которого отправляются в прошлое Азербайджана! Но роман закончен не был. Жаль...

Писать вместе было нелегко, поскольку каждый из нас хотел наравне с другим участвовать в создании общего **«ребенка»**. Хотя Фарид, блестяще знавший историю, больше отвечал за историческую часть, а я – за литературную, желание участвовать **«на равных»** было присуще обоим соавторам...

В конце концов, порешили так: каждый из нас напишет собственную версию романа, а потом мы намеревались создать своеобразный **«сплав»** из двух текстов. Так работали, например, братья Стругацкие. Это напоминает смешивание двух сортов хорошего чая – в результате получается великолепный **букет**, ведь каждый из сортов отдает чаю лучшие качества, какие у него есть.

Закончить столь увлекательный роман нам помешала жизнь. Вернее, жизненные обстоятельства. Со временем мы оба охладели к нашей затее, встречались все реже и реже. В конце концов, роман был законсервирован. Фарид с упоением включился в работу в Рукописном фонде, меня в моем институте нагрузили «черной» работой, потом я женился... В общем, «о быт» разбираются не только семейные лодки, но и творческие. Но до этого были месяцы, густо насыщенные креативом, неугомонным желанием работать, стремлением как-то проявить себя, создать что-то эдакое, интересное, необычное... До сих пор стоят перед глазами картины нашей совместной работы. Или дома у Фариды, в Ичери-шехер (мы азартно спорим у раскрытого окна, а с моря дует свежий бриз, вздымая занавески, в стаканах-армудах стынет крепкий чай, на столе между толстенными справочниками притулилась оранжевая пишущая машинка марки «Оптим» с заправленным в нее листом бумаги), либо у меня дома,

неподалеку от больницы Семашко (мы азартно спорим у раскрытого окна, в которое лезут ветви здорового тутовника, на плитке подпрыгивает, исходя паром, чайник, везде разбросаны исчерканные блокноты, эскизы и наброски старинного оружия и людей в старинных одеяниях, на столе стоит кремового цвета машинка «Любава» с заправленным в нее листом бумаги, и в комнате пахнет болгарским трубочным табаком, поскольку мы с Фаридом в то время увлекались курением трубок)... Что ни говори, это была хорошая школа. Кстати, Фарид дальше продолжил работать «сольно». Писал биологические сказки для детей, научно-популярные книги для взрослых. Сейчас он очень известный ученый и уважаемый человек.

(Недавно я напомнил Фариду о тех днях и даже показал ему черновики и рисунки нашего совместного романа, хранящиеся в моем домашнем архиве. Он долго молчал, затем произнес:

– Все это как будто в другой жизни было...

Я слабо усмехнулся и ответил:

– В другой, но в этой...)

...А ведь я занимаюсь также и журналистикой. Путь мой в этом направлении был труден и тернист; об одном из его этапов я сейчас вам расскажу:

ЗАПАДНЯ ДЛЯ НОСОРОГА

...В азербайджанскую журналистику я пришел в 1990 году с твердым намерением писать о Природе и обо всем, что с нею связано, стать популяризатором науки; я полагал, что имею на это полное право, обладая дипломом биолога и даром легкого, складного письма. Будучи всецело предан науке о Жизни (в широком смысле – о Природе), я поставил себе целью знакомить массового читателя с чудесами окружающего мира и доходчиво объяснять сложные для восприятия вещи. Однако в начале 90-х я столкнулся с серьезными трудностями: мало того, что я был не сын чей-нибудь, и даже не племянник, а сам по себе мальчик, свой собственный, и в карманах у меня гулял ветер, так еще и тема Природы не шибко котировалась тогда у редакторов газет. Но я, когда доходит до любимого дела, становлюсь непоколебим. Вот и тогда я методически настукивал свои статьи и заметки на пишущей машинке «Украина», укладывал листки в картонную канцелярскую папку и принимался обивать пороги редакций.

Точно так, с папкой под мышкой, я заявился в редакцию бакинской русскоязычной газеты «Эконом-Экспресс» в конце июля 1995 года. Редакция располагалась в полуподвальном помещении старого каменного дома, а дом стоял в одном из чудесных переулочков в окрестностях улицы Лермонтова, переулочков, круто забирающих вверх, переулочков, по которым так здорово было скатываться на самодельных подшипниковых «санках»... Гигантские деревья с густой листвой давали такую тень, что в переулочках этих даже в самые жаркие дни стояла прохлада...

Не помню, кто именно содержал газету «Эконом-Экспресс», какая партия, организация или отдельно взятый нувориш; по простоте душевной я тогда абсолютно не интересовался такими вещами. Меня прежде всего волновал вопрос: будут ли печатать? За ним другой: сколько будут за это платить?

Что? Как я их нашел? Да очень просто! Купил в киоске номер «Эконом-Экспресса», узнал из выходных данных адрес редакции и пошел туда предлагать свои услуги. Говорю же, в те времена я поступал именно так. Впрочем, и в последующие годы – в основном так же.

Приняли меня в редакции довольно приветливо, взяли материалы, просмотрели, пообещали опубликовать с незначительными правками и заплатить пообещали, но не за каждую статью сдельно, а за все чохом – в следующем месяце...

Что ж, неплохо, подумал я. Я помаленьку наработывал себе **имя**, но это – процесс длительный, а деньги нужны всегда. Прошло почти полгода, как я похоронил маму (доконала-таки ее опухоль мозга...), сдавившие меня в начале 90-х беспощадные тиски судьбы чуток ослабили хватку; проблем, тем не менее, оставалась куча...
...но я продолжал писать. Не останавливаясь. И продолжал ходить по редакциям.

Так вот, с «Эконом-Экспрессом» я сотрудничал весь август 1995-го; газета выходила раз в неделю, кажется, по пятницам; стало быть, в ней опубликовали четыре мои статьи. Самой удачной из них я до сих пор считаю **«Западно для носорога»**.

Идея статьи возникла в Музее естественной истории имени Зардаби. Там в одном из залов и стоял он, мощный костяк доисторического носорога, найденного у поселка Бинагады, что севернее Баку, и посему названного **«бинагадинским»**. Впрочем, не один он там был найден – битумное озеро сохранило целую плейстоценовую флору и фауну, также названную «бинагадинской». Из пластов тягучего асфальта и суглинков, пропитанных нефтью, ученые-палеонтологи извлекли остатки древесины, побегов и плодов граната, тамарикса, можжевельника, тростника – всего двадцать два вида растений. Там же обнаружили огромное скопление ископаемых костей животных, ныне считающихся вымершими. Около сотни видов птиц, сорок видов зверей – пещерного льва, первобытного быка, дикой лошади, оленя, медведя, гиены, лисицы, антилопы-сайгака, волка, гепарда, дикобраза... Два вида пресмыкающихся и более ста двадцати видов членистоногих...

Это кладбище доисторических растений и животных свидетельствовало о том, что в эпоху плейстоцена, то есть семьдесят-восемьдесят тысяч лет назад, Абшеронский полуостров являлся подобием африканской саванны.

Я приходил в музей несколько дней кряду и подолгу топтался у носорожьего скелета, укрепленного на специальных металлических подставках. Страсть как хотелось написать о плейстоценовой эпохе вообще и о доисторическом носороге в частности. Годом раньше, в газете «Гюнай», я опубликовал статью о том, что 12 миллионов лет назад Азербайджан был дном обширного **Сарматского моря**, в котором водились разнообразные морские твари, в том числе китообразные... Но разве саванна, по которой 70 тысяч лет назад бродили дикие лошади, гепарды, гиены, носороги, первобытные люди, – менее интересна?! К тому же, был уверен я, массовый читатель в большинстве своем имеет слабое представление о Бинагадинском битумном озере и еще более слабое – о плейстоцене; имелись, конечно, скучные специальные труды на эту тему, так кто ж из обычных людей их читал...

Нет, я непременно должен был написать про это! И я ходил и ходил вокруг скелета; наверное, со стороны я выглядел полусумасшедшим музейным воришкой, который тщательно высматривает, какую из костей лучше всего отломить и дать деру, пока не заметили... На самом же деле я думал совсем о другом.

Большинство статей, написанных рядовыми журналистами на подобные темы, отличалось шаблонностью и сухостью; они, конечно, давали определенную информацию, но совсем не волновали душу. Проще всего и мне было написать стандартную заметку, укомплектованную цифрами и фактами, заметку для рубрики «Это интересно». Однако профессионализм биолога и воображение фантаста восставали против всяких шаблонов и любой казенщины. Мне хотелось нарисовать живую картину давней трагедии. Меня не устраивало перо журналиста Ухудшанского; мне необходимо было перо, как минимум, писателя Рони-старшего! Для этого следовало напрячь воображение. И я его напряг.

«...Семьдесят пять тысяч лет назад он тяжело топал по абшеронской земле, срывая губами пучки трав и листья кустарников и пожирая их в огромном количестве. У доисторического носорога практически не было врагов. В самом деле, кто решился бы напасть на такую махину, на этот живой броневик? Даже пещерные львы и мед-

веди обходили носорога стороной, предпочитая более легкую добычу – оленей или антилоп. Человек в ту пору был слаб и неопытен, он бродил по саванне, охотясь на мелких тварей, собирая плоды и выкапывая корни; лишь много позже люди научатся сообща загонять крупных зверей в ловушки. Ну разве что пятнистые гиены, сбившись в стаю, могли одолеть большого или умирающего носорога... Однако этот гигант не был больным, да и умирать вроде не собирался. Нет, ему решительно некого было опасаться.

Но как-то раз он забрел в небольшое озеро напиться воды. У берега вода была загрязнена густым слоем того, что люди потом назовут нефтью. Носорог заковылял к середине озера, туда, где вода, по его мнению, была почище, – и провалился в яму, полную густой, липкой нефти. Тяжело ворочаясь, он пытался выбраться, но вместо этого лишь все больше и больше увязал.

Выбраться ему так и не удалось.

Позже к погибшему гиганту сбежались волки и гиены – и тоже влипли в нефтяную лужу. На трупы слетелись стервятники – и их постигла та же участь...

Со дна озера била нефть. Она густела у берегов, скапливалась в ямах и впадинах, тонким слоем покрывала поверхность воды. Озеро, ставшее своеобразной западнёй, в течение тысячелетий собирало свою страшную дань. В нем увязали крупные травоядные звери, пришедшие на водопой, – и последовавшие за ними пожиратели падали. В озере пытались спастись олени, лошади и антилопы, удирающие от хищников, – и увязали вместе с преследовавшими их хищниками. Стаи перелетных птиц, коих называют водоплавающими, садились на поверхность озера, покрытую тончайшей нефтяной плёнкой, – и неминуемо погибали...

Озеро неутомимо собирало свою «коллекцию».

Так начиналась моя «Западня для носорога». Ну а далее шла вся необходимая информация: о первооткрывателе бинагадинской плейстоценовой фауны, геологе Мастанзаде, о кропотливой работе советских и зарубежных палеонтологов, о том, что таких уникальных явлений Природы, как битумное озеро, в мире всего два, и второе – ранчо Ла-Бреа Тар Питс – находится в Калифорнии, и что американцы вокруг своего битумного озера воздвигли целый специальный научно-исследовательский комплекс, в котором работают ученые, и который посещают туристы и экскурсанты, а у нас уникальное явление окружено кучами мусора и никому, кроме горстки специалистов, не известно... ну и так далее.

Моей целью было, во-первых, заинтересовать массового читателя картинками далекого прошлого настолько, чтобы он захотел посетить Музей имени Зардаби (желательно – с детишками) и поподробнее разузнать о доисторической эпохе (в музее всегда готовы были всем все разъяснить, прочитать лекцию и даже прокрутить необходимые фильмы в маленьком кинозале); во-вторых, я надеялся привлечь внимание власть предержащих к захудалому состоянию Бинагадинского битумного озера настолько, чтобы они захотели построить вокруг него специальный комплекс, подобный калифорнийскому...

...Тогда не скачивали иллюстрации из Интернета, каждый автор приносил нужные фотографии и рисунки сам. Я расстарался, добыл картинку, изображающую доисторического носорога (нарисованную советским ученым-палеонтологом и художником, профессором Константином Флеровым); картинка смотрелась очень эффектно. Но в вышедшей статье под заголовком «Западня для носорога» красовалась фотография... лисички. Я опешил, потом возмущился. Но мне на голубом глазу было заявлено, что мою картинку с носорогом потеряли, вот и сделали замену... какая разница, ведь останки лис тоже находили в битумном озере, не так ли?..

Раздолбайство и неаккуратность в редакциях тогдашних газет встречались сплошь и рядом, я даже начал постепенно к ним привыкать.

...Итак, в августе я опубликовал в «Эконом-Экспрессе» четыре статьи. А в сентябре газета внезапно прекратила свое существование, не выплатив авторам причитающийся гонорар... И в этом ничего экстраординарного не было: в те годы масса газет открывалась и, просуществовав некоторое время, закрывалась; огорчало, что **«кинули»** с деньгами. Они как никогда были мне нужны: я в то время порядком отощал, страдал авитаминозом, на ногах открылись незаживающие язвы, друзья советовали собирать хвою и пить отвар из нее; правда, добавляли они, хвою нужно рвать подальше от автострад, такую, на которой не осела гарь от автомобильных выхлопов... Бывало, я ослабевал настолько, что, как говорят киргизы, **«дерни его за ресничку – и он упадет»**...

Впрочем, не об этом сейчас речь.

Гордясь «Западной для носорога», я отлично понимал: поскольку газета ушла в небытие вместе со своим бумажным архивом, а Интернет-версии у «Эконом-Экспресса» отродясь не было, то мои публикации в сей газете оказались как бы и вовсе несуществующими... Это было обидно, но зато давало мне моральное право в будущем использовать «Западню...» где-нибудь еще – с необходимыми, естественно, поправками и дополнениями.

Так оно и случилось. В 2011-м я решил предложить «Западню...» бакинской газете «Эхо», с которой к тому времени успешно сотрудничал вот уже пару лет. Но мне не хотелось тупо копировать первый вариант. Я взялся доработать статью. И подумал о нашумевшей техногенной катастрофе, случившейся годом ранее, а именно: об аварии на буровой платформе в Мексиканском заливе, аварии, вследствие которой со дна принялась бурно извергаться нефть, загрязняя воды залива... Я смотрел по телевизору, как люди спасают ворочающихся в нефтяной каше тюленей, морских черепах, морских птиц... и в эту минуту решил срастить две темы, подобно тому, как электрики сращивают концы проводов. Ну ладно, подумал я, что случилось в эпоху плейстоцена, когда со дна озера начала сочиться нефть – ясно: получилась великолепно сохранившаяся коллекция ископаемой флоры и фауны. А вот чем грозит современной цивилизации непрекращающийся выброс нефти с морского дна? Вопрос отнюдь не праздный...

«...В статье пятнадцатилетней давности я выразил обеспокоенность по поводу того, что загрязнение нефтью может привести к катастрофическим последствиям, пытался нарисовать апокалипсические картины – море, покрытое черной пленкой, и берег, покрытый черной коркой, морских тварей, умирающих медленной и мучительной смертью... Некое подобие такого техногенного Апокалипсиса мы могли видеть в Мексиканском заливе в прошлом году, когда из дыры в морском дне забила мощная струя нефти, и эту дыру долгое время никак не удавалось заткнуть. Ущерб Природе, горе людям, убытки компаниям... Но вот он, тот поразительный научный факт, ради которого, собственно, я и засел за эту, новую статью. В результате исследований в рамках Census of Marine Life именно в Мексиканском заливе (подчеркиваю – именно в Мексиканском заливе) были обнаружены глубоководные трубчатые черви, зарывающиеся в дно в поисках нефти, которая служит им питанием!

Я далек от мысли о том, что какой-то человек, будь он даже трижды «зеленый», устроил аварию на буровой платформе исключительно из теплых чувств к нефтелюбивым червям. Совершенно фантастическую гипотезу о том, что масштабную утечку нефти в Мексиканском заливе организовали сами трубчатые черви, дабы комфортно себя чувствовать, я тоже отвергаю, хотя из этого мог бы выйти неплохой фантастический рассказ и даже голливудский блокбастер (представляете картину: черви злодейски прогрызают металлические конструкции и потом буквально тащатся от обилия нефти, фонтанирующей со дна морского?!). Я это к тому, что после прочтения статьи о новооткрытых червях мне пришла в голову странная и не очень уют-

ная мысль: если даже в результате какой-нибудь страшной техногенной катастрофы вся наша планета покроется слоем нефти, жизнь на Земле, видимо, не иссякнет. Выживут, по крайней мере, вышеупомянутые трубчатые черви...»

И сформировался материал под названием **«Западня для носорога, или мысли по одному и тому же поводу, но с интервалом в пятнадцать лет»**. Он был опубликован в газете «Эхо» в ноябре 2011 года.

...В конце прошлого века я часто водил в Музей естественной истории школьников, преимущественно средних классов (в обоих смыслах). Надо сказать, что больше всего времени мы с ребятами проводили именно у скелета бинагадинского носорога, он у нас был своеобразным «памятником», у которого люди собираются и ведут беседы. Из общения с ребятами я узнавал, что некоторые из них с интересом смотрят по телевизору научно-познавательные передачи (BBC «Живая Природа», например, или Animal Planet) и буквально бредят Африкой, Южной Америкой, Австралией. Но когда я рассказывал им, что в свое время Абшеронский полуостров, тот, на котором мы живем, был очень похож на Африку, у детей от удивления расширялись глаза...

И я очень рад, что смог донести до них эту информацию. И что смог их удивить.

Конечно же, я писал не только о вымерших животных. Мои старые блокноты и тетради полны набросками рассказов о том, как я охотился на насекомых, как ловил змей и ящериц, как работал служителем в бакинском городском зоопарке, как общался с аквариумистами, с коллекционерами кактусов, раковин, бабочек, брал интервью у криптозоолога (специалиста по животным, не известным науке), у таксидермиста (проще говоря – чучельщика), у фотографа, снимающего дикую Природу... и так далее. Описывал я и свою работу на научно-исследовательском судне «Элм» («Наука») в середине 80-х... Вот, например, эскиз статьи, из потрепанной записной книжки:

ГОЛЛАНДСКИЙ КРАБ С ГЛУБИНЫ СТО МЕТРОВ

...Железный ковш со скрежетом раскрылся, и из него хлынула вода и захваченные со дна морского камни и песок – прямо в подставленный таз.

Мой напарник, гидробиолог Вагиф Гасанов присел на корточках и стал качивать перед собой таз круговыми движениями. Одетый в потрепанную телогрейку, резиновые сапоги и старенькую шапку-ушанку, он совершенно не походил на ученого, да еще и крупного, а словно бы сошел со страниц «Архипелага ГУЛАГ». Действия же его напоминали действия старателя, промывающего в лотке золотоносную породу. Но вместо крупинки золота в мятом жестяном тазу обнаружилось несколько мелких, похожих на ногти ракушек, приросшая к одной из них нитевидная водоросль и маленький краб, которого принято называть **«голландским»**. Бросив якорь где-то в самом центре Каспийского моря, наше научно-исследовательское судно покачивалось на тяжелых волнах. С низко нависшего серого неба на море и на палубу сыпал снег. У всех судовых лебедек трудились сосредоточенные гидрографы, ботаники, микробиологи; моторы завывали, опуская за борт специальные приборы на стальных тросах и извлекая их обратно. А ковш-дночерпатель **«Океан»**, главный инструмент гидробиолога, принес улов с глубины сто метров, о чем свидетельствовали показания датчиков. Смахнув с ресниц налипшие снежинки, я извлек шевелящегося крабика из таза, посадил его на ладонь и поднес к глазам. Краб ошалело приподнимался и опускался на ножках, раскрывая и смыкая маленькие клещи-щипчики. Панцирь его был величиной с трехкопеечную монетку. Собственно, и голландским-то его можно назвать с большой натяжкой, ибо историческая родина этих крабов – прибрежные

воды Американского континента. Там они обитали в устьях рек. Потом в балластных цистернах многочисленных судов эти крабы были завезены в Голландию, а оттуда попали в Балтийское, Азовское и Каспийское моря. У нас на Каспии этот эмигрант прижился, расплодился и стал пищей для рыб... Любой из вас встречал таких крабиков, их вместе с мочалами водорослей часто выбрасывает на берег штормом... В молодости я подбирал таких высушенных солнцем крабиков и прикалывал их булавкой к своему берету, в виде своеобразной кокарды... Да, но то были неживые крабики, а этот был живой, без спросу выхваченный из естественной своей среды обитания. Крабик угрожающе размахивал клешнями, и ясно было, что он не собирается дешево продавать свою жизнь и намерен показать мне, **где раки зимуют**..

Естественная среда обитания... Я попытался представить себе, как он бродит там, на стометровой глубине, в холоднучей – всего плюс три градуса – воде, и меня передернуло. Не очень уютным вырисовывался мир, в котором обитал крабик, прежде чем его безжалостно схватил и вырвал на поверхность зубастый ковш... Но все же это был **его** мир.

– Видишь, голландские крабы попадают и на стометровой глубине. Но самая богатая донная фауна – на глубине пятьдесят метров, – неторопливо объяснял Вагиф Гасанов. – Правда, когда-то самым населенным уровнем была глубина в двадцать метров; но постепенно, спасаясь от нефтяного загрязнения, организмы переместились чуть пониже..

Я киваю.

Так, гидробиолог определил, что за последние двадцать лет донная фауна западной части Южного Каспия заметно обеднела, причем обеднела за счет коренных, исконно каспийских форм. Пришельцы из Черного и Азовского морей – крабы, креветки, многощетинковые черви, «морские желуди» – оказались гораздо более живучими и сейчас преобладают в биомассе. Далее ученому удалось установить, что нефтяное загрязнение сильно влияет на расселение донных животных. Загрязнение вынудило донную фауну переместиться вглубь, на 25 – 40 метров ниже прежнего уровня. Опыты, поставленные Гасановым, позволили выяснить, как действуют нефть и нефтепродукты, взятые в различных концентрациях, на различных животных морского дна, и где проходит граница загрязнения, после которой животных ожидает неминуемая гибель...

...Извлеченный из воды ковш тяжело закачался над палубой, как гигантский маятник на стальном тросе. Скользя по мокрой палубе, мы с Вагифом Мирвагабовичем кинулись ловить его. Я придержал дночерпатель, а ученый подставил под него таз и нажал кнопку на пульте управления. Ковш распахнул зубастую пасть, извергая воду с песком. И вновь Вагиф Гасанов качает таз, промывая песок. И вот на жестяном дне виден очередной **«улов»**: белеют все те же вездесущие ракушки и извивается морской червь nereis, похожий на сороконожку, – тоже, между прочим, вселенец из Черного моря, чувствующий себя здесь, как дома... «Элм» стоит на якоре у берегов Лянкярани, а датчик на лебедке показывает, что пленники захвачены ковшом на глубине пятидесяти метров...

Вот так вот, в разных точках Каспия, из месяца в месяц, из года в год, осенью и зимой, весной и летом – ученые исследуют море, методично и скрупулезно создавая из разрозненных деталей целостную картину колоссального организма, имя которому – Каспийское море.

Крабик... Путешественник – добровольный ли, или невольный, но путешественник. Попал и приспособился. Многим людям, которых жестокая судьба вырвала из привычного уклада жизни и зашвырнула в недобрую даль, и прессует, и испытывает по-всякому, я пожелал бы быть таким же стойким, как и этот крабик. Зброшенный в Каспий из других морей, он приспособился и выжил; поливаемый нефтепродуктами, он ушел в глубину – и выжил; поедаемый рыбами – он выжил,

выжил, выжил! Он обитает там, в сумрачной бездне, холодной и неприветливой, являясь как бы маленьким символом всепобеждающей стойкости.

Как видите, и здесь присутствует тема нефтяного загрязнения; так ведь где живем-то! Нефть, нефть... А несколько позже, назвавшись титанцем и описывая журналистке физические условия на Титане – жуткий мороз, метановые дожди и снег из замершего аммиака, и прочие «прелести», – я мельком вспомнил выловленного голландского крабика. На Земле некоторые организмы обитают в условиях, которые человеку кажутся невыносимыми; но это их привычная среда, в которой они чувствуют себя прекрасно. Так отчего же не предположить, что и в азотно-метановом мире Титана существует жизнь? Во всяком случае, за многие годы разные писатели-фантасты приучили меня к мысли, что во Вселенной нет ничего невозможного...

Но не одни лишь фантасты оказали на меня огромное влияние. Когда 24 декабря 2016-го в Беэр-Шева (Израиль) умер Феликс Кривин, я испытал настоящее потрясение. И, конечно, не мог не откликнуться – разместил на Фейсбуке своеобразный некролог...

ЧЕЛОВЕК-ВСЁ

На свете не было и нет писателя и философа, столь близкого мне по духу, как Феликс Кривин. Потому его уход для меня – подлинная трагедия. Да и не только для меня. Его смерть оставила в культуре человечества глубочайший кратер, подобный следу от удара Чискулубского метеорита, осознаёт человечество это или не осознаёт... Феликс Кривин был знаком мне с самого детства – его отдельные небольшие притчи, стихи, афоризмы включались в различные альманахи и печатались в журналах. Они меня страшно заинтересовали, и я принялся искать книги Кривина. Книги заинтересовали меня еще больше, и я начал восхищаться творчеством этого неординарного писателя, а заодно и учиться у него не только искусству смотреть на мир и обдумывать увиденное, но и искусству отображать увиденное и осмысленное на бумаге. Про себя я называл его «**Человек-Всё**». Феликс Кривин способен был видеть большое в малом и малое в большом, его в равной степени интересовали тайны Вселенной и мелочи быта. У него разговаривали планеты, кометы, твари вымершие и твари, ныне существующие, у него разговаривали вещи и предметы домашнего обихода, а также буквы и цифры... В изящных миниатюрах Кривин умел популярно и очень доступно объяснить практически все, включая возникновение Универсума, эволюционную теорию, загадки Жизни и Смерти; в стихах Кривина, изящных и легких на вид, всегда крылся глубочайший смысл, и они в то же самое время умели быть веселыми (а порой и горькими). Феликс Кривин долгие десятилетия меня поражал и будет поражать еще долго; еще бы, все это время в Ужгороде, в Западной Украине, жил Гений, который не особо разъезжал по миру, но знал об этом мире все. Ибо был наделен свыше даром максимально полноценно использовать силу своего мышления, мощь воображения и талант художника. Тот самый случай, когда в черепе человека, в комке серого вещества величиной с мячик вмещалась Вселенная с ее Макрокосмом и Микрокосмом...

Не могу ответить за других, но лично на меня Феликс Кривин оказал огромное влияние и побудил искать в себе такие же «**производственные мощности**», как и в нем самом. Удалось ли мне хоть на несколько сантиметров приблизиться к «Человеку-Всё»? Время покажет... А сейчас – я почтительнейше снимаю шляпу и низко склоняю голову. Прощайте, Гений, прощайте, Человек-Всё! Мироздание Вам пухом! А я пойду перечитывать Ваши книги...

Но как можно уйти, не процитировав из Феликса Кривина хоть что-нибудь? Вот, навскидку:

*Добродушная пчела
Жалит не со зла:
Яд последний отдает,
Защищая мёд.
Гибнет пчёлка ни за грош –
Так устроен свет,
Что без мёда проживешь,
А без яда – нет...*

Светлая память Феликсу Давыдовичу...

...Наш мир устроен так, что наряду с восхищением по поводу Чуда из Чудес, человеческого мозга, способного вместить целую Вселенную, приходится иногда испытывать и шок – при виде того, как обращаются с этим Чудом из Чудес... Не прошло и трех месяцев после смерти Кривина, как... Впрочем, читайте:

«ПО ВКУСУ – КАК ДРЕВЕСНЫЙ УГОЛЬ...»

Боже мой, что только не приходится есть ведущим разных программ на зарубежном телевидении, причем иногда в прямом эфире! И не только привычные блюда, но и...

В декабре 2016-го корреспондент BBC Грег Фут, телеведущий, решил попробовать, каково на вкус человеческое мясо, – чтобы стать первым в мире журналистом, который провел этот эксперимент. В его рамках Грег Фут вознамерился попробовать кусочек... самого себя! Знакомый хирург по просьбе журналиста срезал с его ноги квадратик мышечной ткани... но вслед за тем на пути отчаянного экспериментатора встал закон: в Великобритании за каннибализм предусмотрена уголовная ответственность, и неважно, чье человеческое мясо ты ешь, чужое или свое... Тогда несостоявшийся «самоед» отнес кусочек собственной ткани в лабораторию, изучившую профиль приготовленной пробы. Ему по результатам экспертизы приготовили смесь из свинины и баранины, по вкусу максимально близкую к человеческому мясу. Грег Фут понюхал смесь и заметил, что **«запах намного богаче, чем у просто сви-
нины или курятины»**. Потом из полученного квазичеловеческого мяса приготовили бургер; съевши его, телеведущий остался доволен сочностью и вкусом...

Но это ладно. В 2012-м на голландском телевидении Деннис Сторм и Валерио Зено, ведущие телешоу «Подопытные свинки», в прямом эфире попробовали по кусочку мяса друг друга – не квазимяса, как в предыдущем случае, а самого настоящего! Перед эфиром ведущие перенесли небольшую хирургическую операцию: у Сторма хирург вырезал маленький фрагмент ягодицы, а у Зено – живота. После этого оба кусочка были тщательно поджарены профессиональным кулинаром, причем без всяких специй и приправ, чтобы ничем не исказить естественный вкус человеческого мяса. А потом ведущие съели оба кусочка в студии, в прямом эфире. Сторм и Зено заявили, что в человечьине нет ничего особенного; еще они утверждали, что ничего противозаконного в их действиях нет, поскольку они добровольно согласились на этот каннибализм. Но приглашенный специально по этому случаю адвокат предупредил, что у ведущих и у оперировавшего их хирурга могут возникнуть проблемы с законом: оказывается, в Нидерландах запрещено удаление каких-либо кусочков человеческой плоти без медицинской на то необходимости.

А в марте 2017-го американский журналист Реза Аслан, ведущий программы «Верующий» на CNN, в ходе съемок в Индии попробовал кусочек мозга умершего человека; на своей страничке в Facebook Аслан уточнил, что предварительно мозг был поджарен на костре и по вкусу напомнил ему **древесный уголь**...

Столь необычным блюдом Аслана попотчевал представитель индуистской религиозной секты **«агхори»**, практикующей ритуальный каннибализм. Ведущий CNN снимал репортаж об этой секте; в ходе передачи Аслана обтерли прахом умершего, надели ему на голову венец из костей и нижней челюсти, ну и – угостили, как уже говорилось, кусочком поджаренного на костре **мозга** покойного. Кроме того, в программе было показано, как один из агхори обгладывает останки мертвеца...

Выпуск вызвал шквал критики со стороны индуистов – Реза Аслана обвинили в **«ошибочном понимании индуизма, представлении его в искаженном свете и осквернении индуистской культуры»**. Возмущенные пользователи социальных сетей обвинили Аслана в каннибализме; досталось и каналу CNN, который криковали за **«желание сделать рейтинг за счет шокирующих кадров»**.

Ну, рейтинг – это святое, ради него на что только не пойдешь... Но индуизм, индуизм! Жалко ведь... Это одна из индийских религий, которую часто описывают как совокупность религиозных традиций и философских школ, возникших на Индостанском полуострове, том самом колоссальном треугольнике к югу от Гималаев, треугольнике, на котором расположены ныне государства Пакистан, Индия и Бангладеш.

На древнем языке-санскрите индуизм звучит как **«санатана-дхарма»**, что в переводе означает **«вечная религия», «вечный путь»** или **«вечный закон»**. Поскольку корнями своими индуизм уходит в ведийскую, хараппскую и дравидийскую цивилизации, его называют «древнейшей в мире религией». В отличие от авраамических религий (иудаизма, христианства, ислама) у индуизма не было своего основателя, в нем отсутствуют единая система верований и общая доктрина; но существует большое количество священных писаний (Веды, Упанишады, Пураны, эпосы «Рамаяна», «Махабхарата», «Агамы»).

Ныне индуизм исповедуют около одного миллиарда человек – это третья по числу последователей религия в мире после христианства и ислама. Большинство населения Индии и Непала – индуисты. Много их в Пакистане, Бангладеш, Шри-Ланке, Индонезии, Малайзии, Сингапуре, Маврикии. Во второй половине XX века индуизм распространился далеко за пределы Индии, сейчас его приверженцев полно и в Канаде, и в США, в странах Южной Америки, в Великобритании... Широко распространились и стали привычными такие характерные для индуизма идеи, как карма, йога, вегетарианство. Однако индуизм нещадно критикуют, например, за дискриминацию, основанную на кастовой принадлежности, и за обряд самосожжения вдов...

Вышеупомянутая же «агхори» – аскетическая религиозная секта, некогда отколовшаяся от одной из ветвей индуизма. В переводе с санскрита «агхори» означает «бесстрашие». Многие индуисты клеймят агхори как неиндуистское учение, из-за практикуемых ими табуированных ритуалов (они употребляют алкогольные напитки, используют человеческие черепа в различных ритуалах, медитируют на местах захоронений и местах сожжения трупов и практикуют ритуальный каннибализм; во всем этом нет ничего криминального, поскольку все эти обряды и ритуалы совершаются с позволения родственников покойного).

К слову сказать, Реза Аслан далеко не первый не-индус, которого агхори угостили жареным человеческим мозгом. Есть такой Роберт Эдвин Свобода – американский писатель и доктор **аюрведы**, постоянно путешествующий по свету, читающий лекции по аюрведе (древней науке о здоровой, долгой жизни) и религиям Востока; Свобода 15 лет прожил в Индии. Вот что он пишет в своей книге «Агхори. По левую руку Бога»:

«Агхори принимают в пищу человеческое мясо, – но не потому, что они стали каннибалами, а потому, что это стало частью ритуала. Я ел человеческое мясо много раз, даже мой сын ел его. Я ожидал на кладбище у погребального костра, когда череп от жара лопнет – а он разрывается с чудесным звуком «хлоп!» – а затем быстро, чтобы не обжечь пальцы, вынимал все части мозга – липкую массу, частично под-

жарившуюся к этому времени, – и съедал ее. От этого начинало сильно тошнить, но в тот момент нужно было забыть о своей тошноте и обо всем прочем: это «**сад-хана**», а не обед в дорогом ресторане».

Ритуальный каннибализм, в частности – поедание мозга умершего человека, лично для меня не новость. Я встречал упоминание о нем в книге известного датского путешественника и писателя Арне Фальк-Рённе «Путешествие в каменный век». В 60-х годах прошлого столетия он побывал на острове Новая Гвинея и добрался до самых отдаленных и отрезанных от цивилизации папуасских племен, провел среди них какое-то время и описал их нравы и обычаи. Он стал свидетелем шокирующего обряда. Как-то раз вместе с отрядом воинов папуасского племени куку-куку Фальк-Рённе поднимался на гребень горы по скользкой тропе, сквозь бамбуковую рощу. Неожиданно у одного из пожилых мужчин случился сердечный приступ. Старик упал на землю, тяжело дыша. И тут молодой воин по имени Сиу-кун, сын упавшего старика, сильным ударом каменного топора разбил отцу череп. В ответ на возмущение датчанина Джон, переводчик, сказал: «**Сын должен помочь отцу уйти из жизни. Настоящему мужчине уготовано умереть в бою. Если же духам так не угодно, сын должен прийти отцу на помощь и убить его. Это акт любви**». Далее переводчик предостерег Фальк-Ренне, чтобы тот не вздумал подходить ближе, иначе его ожидает смерть. Оказалось, что сейчас должно начаться самое важное (для папуаса) и ошеломляющее (для европейца) действие: согласно местным традициям, сын съест мозг убитого им отца, чтобы тем самым почтить его память и вобрать в себя частичку его мудрости и духовной силы... При этом не должен присутствовать ни один человек. Таковы обычаи племени куку-куку.

...Я стараюсь никогда не критиковать чужие обряды и обычаи, понимая, что каждый из них базируется на традициях, коим не одна тысяча лет. Все на свете относительно, и то, что кажется естественным индусу, бушмену или папуасу, для европейца может показаться вопиющей дикостью – и наоборот. В то же самое время мне просто обидно, что чудо из чудес Природы, человеческий мозг, способный вместить в себя целую Вселенную, по вкусу напоминает древесный уголь, если его предварительно поджарить на костре... Древесный уголь – и никакой тебе Вселенной. Никакого вкуса **мыслей**...

Уголь. Зола. Огонь. Пожар. Шок. Глобальный шок. Очередная годовщина глобального шока.

Вот, нашел в блокноте запись, сделанную 11 сентября 2018-го:

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РЕКВИЕМ

«...Елена Захарова помнит, должно быть, то время... В составе популярного бакинского рок-секстета The Score Лена была вокалисткой и писала тексты песен на английском; я же был басистом. Мы кочевали с базы на базу, но в те времена репетировали во Дворце Культуры завода имени лейтенанта Шмидта. И вот где-то за два-три дня до трагедии 11 сентября... Не сказать, что прямо уж так уж нами владели какие-то смутные предчувствия, но... Короче, на репетициях мы часто импровизировали, сочиняя что-то на ходу. И вот накануне трагедии Миша Алтухов вдруг начал наигрывать на гитаре только что пришедшую ему в голову мелодию – красивую, но очень печальную. Мелодия действовала завораживающе; постепенно ее подхватил электроорган, потом ее поддерживали ударные, вступил бас, мощно вплыл синтезатор... Мелодия была, повторяю, красивой, но очень грустной. Лена на ходу принялась сочинять текст к ней – довольно мистического содержания, о каких-то трех ведьмах, подобно шекспировским, из «Макбета», ведьмах, ворожащих на какую-то грандиозную беду и летающих верхом на метлах над городом...

Всего не помню, но было что-то в этом духе. А потом, когда **это** случилось, – мы просто охнули. По ходу, наша группа, сама того не подозревая, загодя написала своеобразный реквием по погибшим в тот страшный день.

Я уже не помню, по какой причине эта песня не была доработана. Что-то помешало, не помню уже точно, что именно. Но уверен: доработай мы ее до конца и исполни, песня запомнилась бы людям надолго...

...Хотите верьте, хотите – нет, но в ночь с 10-го на 11-е сентября я, помимо воли, бездумно, в общем, решил пересмотреть «Голый пистолет». И ржал над началом фильма – там, где показывали секретную сходку окарикатуренных диктаторов и первых лиц государств, в которых узнавались Кастро, Каддафи, аятолла Хомейни, Горбачев... Ну там еще потом Ларс Нильсен дает им всем люлей... Странно: кассета пылилась у меня на полке длительное время, почему именно в ту ночь я решил ее пересмотреть?..

...Мне бесконечно жаль всех тех, кто погиб тогда в обрушивающихся башнях-близнецах и самолетах-смертниках, кто спасал других ценою собственной жизни. Я не люблю, когда говорят: **«Америке прилетело за ее грехи»**. Оно, может, и так, но почему прилетело, как всегда, **не тем?** Я знаю не один десяток, а может, и сотню американских вояк из числа **«Большой Бронзы»** и политиканов из числа **«ястребов»**, которым не мешало бы хорошенько надрать задницу за их кровавые дела... но помилуйте, причем здесь невинные люди, которые погибли ужасной смертью не за поноху, как говорится, табуку?! Доколе за грехи одних будут расплачиваться другие, множая тем самым зло и несправедливость в этом мире?..

...И еще. Когда вся планета вопила от ужаса и билась в истерику, я каким-то образом пробил всю эту мутно-дымно-кровавую пелену и ненадолго заглянул на годы вперед, узрев дальнейшую судьбу человечества. Ничего хорошего я, увы, не увидел. За эти несколько мгновений я отчетливо понял, что отныне мир перешел некий **рубикон** и вступил в новую, качественно иную фазу – как это было, например, после Хиросимы и Нагасаки или после запуска первого искусственного спутника Земли. После 11 сентября всему тому, что было **до**, можно было сказать: **«Прощай. Прощай навсегда»**.

...Всевышний, молю: упокой души всех погибших в тот страшный день, поддержи физически и морально искалеченных и всыпь по первое число виновникам трагедии. Истинным виновникам, разумеется; уж Ты-то их точно знаешь, в отличие от нас...

Р.И.Р., леди и джентльмены.

...И все-таки жаль, что мы тогда не доделали реквием».

Ленин когда-то сказал: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества». Это так. Мне, любителю фантастики, натуралисту, гуманисту и прочая, и прочая, никак не обойти было политику в своем творчестве. Газеты, телевидение, Интернет, уличные беседы насыщены политикой. Ее невозможно игнорировать, о ней невозможно не думать. О ней невозможно не писать – хотя бы иногда... Вот, например, одна из работ, датированная сентябрем 2014 года; привожу ее с небольшими сокращениями:

ОСЕННИЙ ЭКИНОКТИК

*Экиноктики – от *aquinokticum* (лат.) – время весеннего и осеннего равноденствия, с которыми связан период бурь*

В наступающий период бурь, связанный со временем осеннего равноденствия, сидел я и перечитывал сборник средневековых итальянских новелл.

Среди них попала мне новелла писателя XIV века Франко Сакетти. В ней мессир Ридольфо ди Дженилито да Варано, правитель города Камерино, доказывает племяннику, вернувшемуся из Болоньи, где он обучался праву, что он даром потерял время.

«Юноша, которому слова эти показались весьма странными, отвечал:

– Почему же, господин мой?

И мессир Ридольфо сказал:

– Потому, что тебе следовало обучаться там силе, и это было бы вдвое выгодней».

То же самое мессир Ридольфо повторил позднее нескольким студентам, обучавшимся праву:

«– Чему вы обучаетесь?

А они:

– Мы обучаемся праву.

На что я сказал им:

– Что вы будете с ним делать, раз им не пользуются?

Действительно, оно не очень-то в ходу. Кто бы ни был прав, но, если на другой стороне немного больше силы, право остается бессильным. Поэтому-то мы в наше время и видим, что бедным и бессильным почему зря присуждаются телесные и денежные наказания, богатым же и сильным очень редко, ибо жалок тот, кто не имеет достаточной силы».

Семь столетий минуло с тех пор, как написаны были эти строки, но кто осмелится утверждать, будто они утратили свою актуальность?

...На канале NatGeoWild состоялся премьерный показ свежего – 2014 года выпуска – американского документального фильма **«Королевство обезьян»** (Wild Kingdom Of The Apes). У меня, биолога, он вызвал живейший интерес; я смотрел его так, как в иные времена домохозяйки не смотрели и «Просто Марию»! Судите сами: киногруппа из National Geographic Television долгое время занималась наблюдениями и киносъемкой на территории вулканического национального парка в Руанде (Африка). Все это время киногруппа держалась практически вплотную к стае «черных» горных горилл, благодаря чему смогла во всех подробностях запечатлеть на пленке жизнь каждого индивида в отдельности и всей стаи в целом. Но главная интрига фильма заключалась в следующем: стаей вот уже много лет правил вожак – громадный самец с серебристой от седины поясницей (таких называют **«сильвербек»**), что можно соотнести с человеческим, например, **«аксакал»**). Властвовал он жестко, но очень умело – судя по тому, что стая выжила в не простые для горилл времена (между Руандой и соседним Заиром долгое время тянулся вооруженный конфликт, в результате которого пострадали не только люди, но и животные). Время, однако, шло, у вожака (буду называть его Королем) подрастали два сына, и вот настал момент, когда старший из сыновей заявил претензии на власть: мол, папа, покомандовал – и хватит, уступи место молодому, сильному, и не то чтобы там **«Акела промахнулся»**, просто время твое, папа, ушло, что поделать, такова **се ля ви**, все течет, все меняется, и молодым везде у нас дорога, а старикам везде у нас почет.....

Как это принято не только у горилл, вожак свою корону просто так, за здорово живешь, уступать не собирался и всякий раз отбивал наглое наскоки сына. Но настал день, когда вопрос стал ребром: или – или. Старый Король и молодой претендент на трон забрались на высокий холм с плоской верхушкой; именно тут и должен был состояться поединок между отцом и сыном; выигравший становился (или оставался) Королем.

Все подданные – зрелые особи, молодежь, самки с детенышами – расположились пониже по склону в ожидании исхода схватки...

Насколько мне известно, гориллы дерутся очень жестоко: поглядите-ка на их клыки, да и силищей они обладают неимоверной, запросто могут вырвать бицепс у противника... Черные горные гориллы – самые большие обезьяны на свете: рост крупных самцов достигает двух метров, а иногда даже 2 метров 30 сантиметров, а весят они от 200 до 350 килограммов! Обхват груди у старого самца – 1 метр 70 сантиметров, обхват бицепса – 65 сантиметров, а размах рук достигает 2 метров 70 сантиметров! И в борьбе за власть сын не пощадит отца, а отец не пожалеет сына, так что вниз сойдет только один из них – ему-то и достанется **корона**...

Фильм снят просто бесподобно: впечатление такое, будто сам присутствуешь в руандийских джунглях, густых, зеленых, сочных. Операторская работа – выше всяких похвал; это нам смотреть легко и просто, а я представляю, как корячился оператор с камерой на плече! Кадры, в которых из зарослей неожиданно выскакивает мощная горилла и с ревом, бия себя кулачищами в грудь, несется прямо на камеру, впечатляют! Я сам не робкого десятка, но признаюсь честно – в этой ситуации точно надундолил бы в штаны...

Подумалось мне, что по этой же самой схеме когда-то боролись за власть и люди. И в первобытных племенах был свой вождь, и были у него сыновья, которые рано или поздно занимали его место, и частенько не обходилось без насилия и убийства... По мере развития человеческой цивилизации придуманы были всякие **хитрости**, простодушным обезьянам никак уж не свойственные: подкуп, обман, «черный пиар», война компроматов и тому подобное. Ну так на то мы и люди...

Контроль над миром? Сиречь, мировое господство?

Алексей Карташ, герой ряда произведений известного сибирского писателя Александра Бушкова, в романе **«Волк насторожился»** находит в глухой тайге могилу не кого-нибудь, а самого Чингисхана! И что же видит Карташ?

«Череп скалился застывшей на века бесшабашной улыбкой.

...Ничего не было. Чересчур много времени прошло с тех пор, как пылали города и катилась по полям визжащая конница, как спаянное железной дисциплиной азиатское войско все же дрогнуло на Легницком поле, сойдясь с польскими рыцарями, и повернуло прочь из Европы. Все прошло. Остался только череп, желтый и немой, мертвая кость, на которой бесполезно что-то вымещать. И нет для человека ни Вечности, ни славы. Он поднялся от паршивого пастуха с колодкой на ногах до вождя орды, прокатившейся огнем и кровью через полмира, разрушал государства и превращал в пепел старинные города, помнившие еще Александра Македонского, мечтал покорить Вселенную, наивно полагая под нею наш старый континент, и думал, должно быть, что за горизонтом вот-вот покажется прибой Последнего моря... И что осталось?»

Да ничего. Несколько книг, написанных иноземными учеными. Затерявшиеся в степи каменные черепахи с дырами в спине, куда вставляли плиты с указами великого карокурумского кагана. Равнодушное, изначальное небо, тайга вокруг и желтый череп, едва не угодивший на каминную полку к какому-то набитому деньгами обороту. Так какого же хрена мы суетимся, считая собственные ничтожные делишки самым важным на свете?»

Вот и все. Гамлет в свое время, бродя по кладбищу, также рассуждал о бренности всего земного, особенно же – непомерного властолюбия... Помните? Ну, что великий Цезарь после смерти превратился в глину, из которой потом сделали пробку для винной бочки... **«Пред кем весь мир лежал в пыли – торчит затычком в щели!»** Одним словом, все – суета сует, и всяческая суета!

...Да, а чем кончилась история с гориллой-вожаком, которого вызвал на поединок собственный сын? А поединок так и не состоялся. Старик добровольно признал себя побежденным, и его сын торжествующе поскакал вниз, и подавляющее

большинство стаи последовало за новым Королем. Лишь небольшая часть верно-подданных осталась со стариком... Экс-король же понуро сидел, глядя перед собой, и в глазах его читалось: **низложен**. Низложен...

Боже ты мой, подумал я устало, вот они – истоки многих человеческих поступков! Власть... трон... президентская лента... И драка подростков за право быть дворовым лидером, и викинги, рубящиеся за звание ярла, и «**черная метка**» пиратов Стивенсона, и воровской **сходняк**, собравшийся короновать очередного «законника», и импичмент президенту, и многое-многое другое... все это начиналось в незапамятные времена, в жарких густых джунглях, в разборках обезьян между собой, и тянется до сих пор, и доколе еще будет продолжаться – никому, кроме Бога, неведомо...

Думаете, лишь животные борются за власть или, в широком смысле, за место под солнцем? Подобная борьба идет и между растениями.

«Когда-то я, живя в северных лесах, вообразил, что добро не в человеке, не в хищном мире животных и насекомых, а в молчаливом царстве деревьев. Но нет! Я увидел движение леса, его коварную битву за землю с травами и кустарниками. Миллиарды летучих семян, прорастая, убивают траву, вырезают дружелюбный кустарник, миллионы ростков победившего самосева вступают в битву друг с другом. И лишь те, кто выживает, образуют единый полог молодого светлюбивого леса, вступают между собою в союз равных по силе. Ели и буки прозябают в сумеречной каторге под пологом светлюбивого леса. Но приходит для светлюбивых пора дряхлости, и из-под их полога к свету вырываются тяжеловесные ели, казнят ольху и березу. Так живет лес в вечной борьбе всех против всех. Лишь слепые мыслят мир добра в царстве деревьев и трав». (**Василий Гроссман**)

Человек же, выделившись из мира животных и, благодаря своему Разуму, занявший на планете главенствующее положение, давно уже не сражается лапами и клыками; за прошедшие тысячелетия он создал множество всяких штукovin для ведения войны... иной раз посмотришь – красивая же штукovina, просто сказка, поэма в металле... а приспособлена для того, чтобы умертвить как можно больше людей за один раз. А потом еще раз, и еще много-много раз... Человеческий гений равно служит как созиданию, так и разрушению. Статья, написанная мною в декабре 2015-го, после известных событий, вмещает в себя весь ужас художника и все разочарование романтика...

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ

ВАЛЬКИРИИ – в древнескандинавской мифологии воинственные девы-богини, которые помогали героям в битвах и уносили души убитых в Валгаллу, где прислуживали им на пирах... *ВАЛГАЛЛА* – в древнескандинавской мифологии дворец бога Одина, обителице душ воинов, павших в бою (Словарь иностранных слов).

ПОЛЕТ ВАЛЬКИРИЙ – общераспространенное название начала третьего действия оперы «Валькирия», второй из четырех опер Рихарда Вагнера, которые составляют цикл опер «Кольцо Нибелунгов»... «Полет валькирий», длящийся примерно 8 минут, начинается с прелюдии к действию, постепенно воздвигая следующие один за другим пласты сопровождения до тех пор, пока занавес не поднимется и не откроет горную вершину, где четыре из восьми валькирий собрались, чтобы отправить павших героев в Валгаллу. Когда они присоединяются к остальным четверем, проносятся знакомая мелодия, в то время как над оркестром валькирии приветствуют друг друга и поют свой боевой клич... (Википедия)

...Я уже не помню, на каком из российских телеканалов это показывали (может, на нескольких сразу?). Признаюсь, в тот вечер я был под хмельком – отмечали день рождения моего одноклассника по Универсу... Принятого на грудь хватило, чтобы окружающий мир воспринимался сквозь призму приподнятого настроения и слегка искаженных пропорций. В понятие окружающего мира входил и работающий телевизор; так и случилось, что я, не прерывая легкого трепа, краем глаза стал наблюдать за происходящим на экране.

Это было зрелищно. И это было ужасно. Корреспондент телеканала вел репортаж из кабины одного из российских стратегических бомбардировщиков, направляющихся в Сирию бомбить ИГИЛовцев. Корреспондент возбужденно-радостным тоном, стараясь перекричать шум работающих моторов, рассказывал, что тут к чему, кто есть кто, кто чем занимается и как все происходит. Камера брала поочередно то самого ведущего в теплой куртке, то пилотов в костюмах, отдаленно напоминающих космические скафандры, то чрево гигантского самолета, то иллюминатор, в котором виднелись громадные пропеллеры, вращающиеся медленно, словно бы нехотя... Я, продолжая поддерживать разговор (может быть, отвечая невпопад), смотрел на экран. Мне даже не надо было слышать, что говорит ведущий? – я смотрел картинки...

Некоторые из них, надо сказать, были невероятно красивы. Оператор снимал сквозь стекла «фонаря» небо и летящие в нем бомбардировщики. В небесной синеве, светлой почти до прозрачности, в воздушном океане из разреженного и холодного воздуха, выше облаков, неподвижно висели серьезные боевые машины; одни напоминали длинных серебристых рыб с непропорционально большими плавниками и моторами под мышкой; другие походили на исполинских плоских птиц с высоким килем хвостового оперения и хищным силуэтом головы... Разумеется, это была оптическая иллюзия: бомбардировщики лишь казались неподвижными, на деле же – мчались с огромной скоростью к месту назначения. Фюзеляжи машин сверкали под маленьким, беспощадным, но холодным солнцем. Это было, повторяю, невероятно красиво. Но это все была, оказывается, преамбула.

Амбула, как выразились в свое время классики, началась потом. Когда самолеты вышли на цель и приступили к бомбометанию. Корреспондент вздохнул рассказывал, как оно происходит, камера добросовестно показывала, как пилоты нажимают на многочисленные кнопки на приборной доске, как распахиваются бомболюки, как расходятся держатели, освобождая бомбы и крылатые ракеты, и они падают, падают, падают... Итак, серебристые рыбы добрались до места своего страшного нереста и метали убийственную икру, а серебристые птицы на лету несли смертоносные яйца... На экранах приборов земля там, внизу, выглядела скучной картой, плоской и серой; на ней бесшумно вспухали волдыри разрывов, с виду незначительные; но я-то хорошо представлял себе, что происходит там, **внизу!** Я взирал на все это сквозь алкогольную дымку, не слыша и не слушая окружающих; я думал о том, что высокоточное оружие на деле оказывается не таким уж и высокоточным; если там, внизу, действительно беспощадные ИГИЛовцы, перерезающие глотки пленным и заложникам и живьем сжигающие в клетках детей, – то туда им, ИГИЛовцам, и дорога, поделом вору мука, как говорят в таких случаях... но если этот ад ненароком накрыл ни в чем не повинных людей – тогда я просто не знаю, что и сказать! Сильно надеюсь, что российские военные знают, что они делают...

Не хочу проводить никаких ассоциаций, но – так уж сложилось, что поделаешь! – с той поры, как я посмотрел Apocalypse Now Коппола, картина любого (любого!) авианалета в моем сознании непременно сопровождается вагнеровским «Полетом валькирий». Так было и в тот день – на телеэкране бомбардировщики опорожнялись над Сирией, а в ушах у меня беспрерывно звучал клич воинственных богинь...

Прощание с однокашником и другими гостями вышло скомканным. Оказывается, все смотрели телевизор, и на всех эта передача оказала гнетущее впечатление.

Бредя домой, я раз за разом прокручивал в памяти репортаж и с ужасом думал: Боже мой, чем мы **хвастаем**?! Совершенными машинами убийства, приберегаемыми на Самый Крайний Случай?! Бомбовозами, способными пролететь огромное расстояние, дозаправляясь в воздухе, и в нужной точке обрушить на землю геенну огненную?! А если тем же самым займутся **все** бомбовозы **всех** стран по **всей** планете – что от планеты останется?!

А ведь сорок лет назад, будучи юнцом, я верил, что в начале XXI века человечество навсегда покончит с войнами, сдаст все бомбовозы в переплавку и высадится на Марсе...

Одного я тогда не принял в расчет – валькирий. В широком смысле этого слова.

Дома я поводил пальцем по корешкам книг своей библиотеки, остановился на томике Брэдбери. Это была знаменитая антиутопия «Фаренгейт 451», увидевшая свет в 1953 году. История американского пожарного Монтэга, который вместе с коллегами в Америке будущего занят сожжением книг. Но я заглянул в самый конец романа – Монтэг, восставший против Системы, чудом ускользнувший от Механического Пса, бежит из мегаполиса в дикий лес и знакомится там с бездомными оборванцами, такими же изгоями, как и он сам. Роман Брэдбери насыщен ожиданием **Третьей** мировой войны; в финале Монтэг и его товарищи по несчастью издали видят, как вражеские (русские?) самолеты бомбят город, в котором все они когда-то жили:

«Впоследствии никто из стоявших рядом с Монтэгом не мог сказать, что именно они видели и видели ли хоть что-нибудь. Мимолетная вспышка света на черном небе, чуть уловимое движение... за этот кратчайший миг там, наверху, на высоте десяти, пяти, одной мили пронеслись, должно быть, реактивные самолеты, словно горсть зерна, брошенная гигантской рукой сеятеля, и тотчас с ужасающей быстротой и, вместе с тем так медленно, бомбы стали падать на пробуждающийся от сна город. В сущности, бомбардировка закончилась, как только самолеты, мчась со скоростью пять тысяч миль в час, приблизились к цели и приборы предупредили о ней пилотов. И столь же молниеносно, как взмах серпа, окончилась война. Она окончилась в тот момент, когда пилоты нажали рычаги бомбосбрасывателей. А за последующие три секунды, всего три секунды, пока бомбы не упали на цель, вражеские самолеты уже прорезали все обозримое пространство и ушли за горизонт, невидимые, как невидима пуля в бешеной быстроте своего полета; и не знакомый с огнестрельным оружием дикарь не верит в нее, ибо ее не видит, но сердце его уже пробито, тело, как подкошенное, падает на землю, кровь вырвалась из жил, мозг тщетно пытается задержать последние обрывки дорогих воспоминаний и, не успев даже понять, что случилось, умирает.

Да, в это трудно было поверить. То был один-единственный мгновенный жест. Но Монтэг видел этот взмах железного кулака, занесенного над далеким городом; он знал, что сейчас последует рев самолетов, который, когда уже все свершилось, внятно скажет: разрушай, не оставляй камня на камне, погибни. Умри.

...Упала бомба.

Быть может, – но узнает ли кто об этом? – быть может, огромные радио- и телевизионные станции с их бездной красок, света и пустой болтовни первыми исчезли с лица земли?

Монтэг, бросившись плашмя на землю, увидел, почувствовал – или ему почудилось, что он видит, чувствует, – как Милдред быстро взглянула на потолок, и в тот

же миг все здание отеля обрушилось на нее и вместе с сотнями тонн кирпича, металла, штукатурки, дерева увлекло ее вниз, на головы других людей, а потом все ниже и ниже по этажам, до самого подвала, и там, внизу, мощный взрыв бессмысленно и нелепо покончил с ними раз и навсегда.

Сильный взрыв потряс воздух. Воздушная волна прокатилась над рекой, опрокинула людей, словно костяшки от домино, водяным смерчем прошлась по реке, взметнула черный столб пыли и, застонав в деревьях, пронеслась дальше, на юг. Монтэг еще теснее прижался к земле, словно хотел врасти в нее, и плотно зажмурил глаза. Только раз он приоткрыл их и в это мгновение увидел, что город поднялся на воздух. Казалось, бомбы и город поменялись местами. Еще одно невероятное мгновение – новый и неузнаваемый, с неправдоподобно высокими зданиями, о каких не мечтал ни один строитель, зданиями, сотканными из брызг раздробленного цемента, из блесков разорванного в клочки металла, в путанице обломков, с пертместившимися окнами и дверями, фундаментом и крышами, сверкая яркими красками, как водопад, который взметнулся вверх, вместо того, чтобы свергаться вниз, как фантастическая фреска, город замер в воздухе, а затем рассыпался и исчез.

Спустя несколько секунд грохот далекого взрыва принес Монтэгу весть о гибели города.

– Вот и все, – произнес кто-то.

Люди лежали, судорожно глотая воздух, словно выброшенные на берег рыбы. Они цеплялись за землю, как ребенок инстинктивно цепляется за знакомые предметы, пусть даже мертвые и холодные. Впившись пальцами в землю и широко разинув рты, люди кричали, чтобы уберечь свои барабанные перепонки от удара взрывов, чтобы не дать помутиться рассудку. И Монтэг тоже кричал, всеми силами сопротивляясь ветру, который резал ему лицо, рвал губы, заставлял кровь течь из носу.

Монтэг лежа видел, как мало-помалу оседало густое облако пыли; вместе с тем великое безмолвие опускалось на землю. И ему казалось, что он видит каждую крупинку пыли, каждый стебелек травы, слышит каждый шорох, крик и шепот, рождавшийся в этом новом мире. Вместе с пылью на землю опускалась тишина, а с ней и спокойствие, столь нужное им для того, чтобы оглядеться, вслушаться и вдуматься, разумом и чувствами постигнуть действительность нового дня».

Я захлопнул книгу и посмотрел в темное ночное небо.

Боже, спаси нас, дураков! Мы слишком, похоже, заигрались (Баку, декабрь 2015).

Сказанное – чистая правда: я отлично помню времена моей юности; мысль тогда намного опережала реальность, и в воображении многих в начале XXI века человек виделся уже покорителем не то что ближней Луны – а и далеких Марса, Венеры, Юпитера, Сатурна... Войны забыты, народы живут в мире, наука кормит, лечит население планеты, обеспечивая людей всем необходимым; межконтинентальные баллистические ракеты и стратегические бомбардировщики отправлены на слом и в переплавку, вместо них строятся исследовательские космические корабли и колоссальные орбитальные станции... Таким представлялось ближайшее будущее, и мы жадно следили за достижениями космонавтики настоящего; я, например, сохранил этот интерес и по сию пору. Чтобы не быть голословным, расскажу-ка я вам вот о чем...

03. 09. 76. МАРС, РАВНИНА УТОПИИ

...Я уважаю Китай. Я увлекаюсь космонавтикой и астрономией. Я интересуюсь Луной. И потому весь январь 2019-го я внимательно следил за миссией «Чаньэ-4».

Напомню, что «**Чаньэ-4**» – это китайская автоматическая межпланетная станция, 3 января 2019 года впервые в истории совершившая мягкую посадку на обратной стороне Луны и сгрузившая на ее поверхность луноход «**Юйту-2**».

Полутоннажный, на шести колесах ровер «Юйту-2» («**Нефритовый заяц**», существо из китайской мифологии, хранитель бессмертия), питаемый плутониевыми батареями, «глядящий» одновременно четырьмя панорамными камерами, оснащенный антенной связи и всевозможной научной аппаратурой, – развернул панели солнечных батарей и двинулся в путь по кратеру, названному в честь немецкого астронома Теодора фон Кармана.

Весь заинтересованный люд земной следил за перемещениями китайского лунохода. И рассматривал первые в истории снимки поверхности обратной стороны Луны, сделанные с близкого расстояния камерами «Чаньэ-4».

Ровер совершал своеобразные «перебежки», на время холодных лунных ночей как бы засыпая (впадая в «**спящий режим**», по выражению техников), а с наступлением лунного дня возобновляя движение и работу. В общей сложности аппарат проехал по нашему естественному спутнику 271 метр – за девять месяцев функционирования.

Второй «Нефритовый заяц» (почему «второй»? Да потому? что первый «Юйту» прилунился в 2013-м и проработал до лета следующего года, правда, большей частью стоя на месте, из-за неисправности)... так вот, второй «Нефритовый заяц» сообщил об обратной стороне Луны немало интересного; но лично меня, как биолога и фантаста, заинтересовали два эпизода.

«Чаньэ», посадочный модуль, нес на себе контейнер, в котором, кроме почвы, воды и воздуха, имелись семена хлопчатника, рапса, картофеля, дрожжевые грибки и яйца плодовой мушки (как видите, китайцы запустили на Луну представителей трех царств земных организмов: растений, животных и грибов). За два месяца до запуска «Чаньэ» семена, дрожжи и яички были законсервированы, дабы перенести полет; 3 января, после посадки, автомат полил семена водой, специальная система контроля тепла установила и поддерживала в контейнере температуру 25 градусов по Цельсию. А 12 января камера зафиксировала прорастание одного из семян хлопка...

Я с небывалым волнением рассматривал переданный с Луны снимок нежного зеленого росточка, пробившегося сквозь предохранительную пластмассовую решетку. Ведь это было самое первое земное растение, проросшее на поверхности другого небесного тела! До сих пор различные растения проращивали лишь на орбитальных станциях, в условиях невесомости. Увы, это оказался единственный из земных организмов, «пробудившийся» к жизни на Луне; с наступлением первой лунной ночи модуль перешел в «**спящий режим**», и эксперимент был завершен...

А в конце июля ученые разглядели на одном из снимков, переданных «Нефритовым зайцем», маленький кратер, заполненный неким веществом, имевшим необычный цвет и «**гелеобразную структуру**». находка так переполошила ученых, что они изменили планы: вместо выключения на время «сна» и последующего движения на запад роверу «велели» вплотную заняться исследованием «**гелеобразного вещества**» с помощью инфракрасного спектрометра. Однако никаких объяснений о природе необычного вещества от исследователей, занятых в миссии «Чаньэ», не поступило.

Разумеется, сидящий во мне мечтательный мальчуган, никак не желающий повзрослеть, увидел в этом веществе своеобразную форму лунной жизни... но сторонние исследователи предположили, что это – всего лишь навсего расплавленное стекло, образовавшееся при ударе метеорита о лунную поверхность. А правда это или нет – поди знай... Я больше чем уверен, что исследователи Космоса далеко не всегда делятся с широкими массами всей полученной информацией, и это, наверное, правильно...

Вот эти две вещи и взволновали меня: некий «гель» в ямке на лунной поверхности (я убежден, что Луна, слывущая мертвым миром, способна преподнести нам еще немало сюрпризов; ведь нашли же там воду, пусть даже и замерзшую!) и зеленый росток хлопчатника, высунувшийся из земли, насыпанной в контейнер, каковой вмонтирован в космический аппарат, опустившийся на обратную сторону Луны... Пусть пока «своя» жизнь на Луне не обнаружена, но заброшенное с Земли семечко – проросло, пусть даже единственное и ненадолго, но проросло!

Жизнь вне Земли. Как давно я интересуюсь этим вопросом! Не будет преувеличением сказать – с самого детства. С самых первых прочитанных фантастических книжек и первых просмотренных фантастических фильмов... И не только фантастических, но и научно-популярных. С первых газетных сообщений о космических зондах, достигших Луны, Венеры, Марса. И я припомнил событие, произошедшее за сорок три года до первого проросшего в контейнере «Чаньэ» семечка...

Баку. 3 сентября 1976 года. Летние школьные каникулы закончились (тогда учебный год начинался 1 сентября), я и мои сверстники пошли в последний, десятый класс (тогда мы учились десять лет). Пришла пора серьезно задуматься о будущем. Я собирался поступать на биофак нашего университета и дополнительно занимался биологией и химией (сам, без репетиторов). Можно сказать, я тогда был весь в биологии. Но и фантастику свою любимую не забывал, особенно про космос и инопланетную жизнь. И вот в это самое время NASA преподнесло мне (а также всему человечеству) очередной подарок – на планету Марс успешно сел аппарат «Викинг-2». Первый «Викинг» опустился на Красную Планету несколько ранее – 20 июля, на западе равнины Хриса. Его брат-близнец сделал то же самое, но в районе равнины Утопия. Правда, я узнал об этом только на следующий день, 4 сентября, из газет.

В задачу обоих «Викингов» входило установить, есть ли жизнь на Марсе.

Доктор Гарольд Клейн из научно-исследовательского центра в Эймсе (Калифорния), сказал тогда, в 76-ом: **«Есть только один шанс из пятидесяти обнаружить на Марсе жизнь»**. Но при проведении голосования среди 17 научных сотрудников проекта «Викинг» 9 из них высказались за то, что жизнь на Марсе все же будет обнаружена.

Сев на поверхность Марса, посадочный модуль «Викинга-2» повел себя подобно своему «братцу». Пока две бортовые камеры обзоредали окрестности и передавали на Землю снимки марсианского ландшафта, четыре самых сложных прибора, когда-либо построенных в США (40 тысяч электронных деталей, компактно смонтированных в кожухе размером с небольшой чемоданчик, в земных условиях подобная аппаратура заняла бы три большие комнаты!), исследовали марсианскую почву в поисках признаков жизни, будь то лишайник, мох на скалах или даже остатки какого-либо растения, существовавшего 25 тысяч лет назад, в те времена, когда воды на Марсе было много. Как и его предшественник, «Викинг-2» с помощью механической «руки» трижды выкопал пыль и гальку на расстоянии до трех метров от себя, просеял образцы через приборы-анализаторы. Для первого биологического анализа потребовалось 12 дней. Окажись в исследуемых образцах микроорганизмы – их присутствие можно было бы определить, скажем, по выделению углекислоты при росте на особых питательных средах, регистрации фотосинтеза и так далее. Эти и другие данные посадочный модуль передал бы на орбитальный модуль, который остался кружить вокруг Марса, а тот, в свою очередь, ретранслировал бы их на Землю.

Специалисты NASA были настолько уверены в существовании на Марсе биосферы, что предприняли все меры предосторожности, дабы не допустить загрязнения марсианской поверхности. Для стерилизации каждая деталь обоих посадочных модулей выдерживалась в течение 20 часов при температуре 112 градусов по Цельсию. Такой обработке подверглись батареи, записывающая аппаратура, бортовой компьютер и упомянутая биологическая камера с приборами.

Ну как, Марс, – **есть на тебе жизнь?** – спросили люди в 1976-м...

Вопросами возможной внеземной жизни занимается наука, называемая **экзобиологией** (напомню, в подростковом возрасте я и сам мечтал стать экзобиологом).

Но что есть жизнь? Простой, казалось бы, вопрос...

Отличительными признаками жизни – по крайней мере, на Земле – являются: **питание**, то есть потребление химических продуктов для пополнения энергии, необходимой для продолжения функционирования организма;

дыхание, то есть процесс, посредством которого организм получает энергию в результате химических превращений внутри себя (у земных организмов включает в себя окисление в той или иной форме);

удаление токсических продуктов, образующихся в результате химических превращений при дыхании;

воспроизводство – поскольку земные организмы имеют короткий срок жизни, то необходимо их периодическое «самокопирование»;

рост, то есть не только увеличение организма в размерах, но и его усложнение;

движение – имеет разное значение для различных земных форм жизни. У высших форм является важным фактором в борьбе за пищу и для самозащиты;

чувствительность – включает реакцию организма на возбудители, которые вовсе не обязательно должны быть прямыми (как, например, боль для животных), а могут включать и силу тяжести, и свет, и химическое воздействие.

Важнейшие из химических соединений, на которых базируется земная жизнь, – белки и нуклеиновые кислоты. Белки состоят из вытянутых в длинные цепочки аминокислот. Способ организации аминокислот в цепочку и определяет тип белка и его функцию. Белки образуют основные структуры клеток, а также осуществляют такие специфические действия, как катализ биохимических реакций (в этой роли белки называются **«ферментами»**). Без ферментов жизнь в ее настоящей форме была бы попросту невозможной: обеспечивающие жизнь химические реакции протекали бы слишком, слишком медленно...

Нуклеиновые кислоты играют важную роль в воспроизводстве клеток. Рибонуклеиновая кислота (РНК) собирает белки в соответствии с «инструкциями», содержащимися в дезоксирибонуклеиновой кислоте (ДНК). Если внеземные организмы аналогичны земным, то обнаружение в полученных образцах белков и нуклеиновых кислот будет убедительно свидетельствовать в пользу жизни!

Еще одно ее подтверждение – обнаружение аденозинтрифосфата (АТФ). В ходе обмена веществ человеческому организму требуется «запасать» избыточную энергию для последующего ее использования при недостатке. Такое хранение химической энергии и обеспечивает АТФ, в котором энергия хранится в химических связях, соединяющих фосфаты.

В общем и целом понятно. Что верно для Земли – может оказаться верным и для Марса, почему бы и нет? – так считали тогда, в 1976-м.

Скептики из числа ученых напоминали, что Марс – это все-таки не Земля, условия несколько иные. Оптимисты хорохорились: степень облучения на поверхности Марса оценивается в 20 миллирад в день? Ну и что? Некоторые земные бактерии выдерживают до 5 000 рад! На Марсе мало воды? Ну и что? Вот в Южной Калифорнии водится кенгуровая крыса, которая вообще не пьет и может жить, питаясь только высушенным ячменем: вся вода в организме животного образуется в процессе окисления углеводов! Жизнь – она живуча, простите за каламбур!

Но и скептики, и оптимисты с одинаковым нетерпением ожидали результатов анализов.

Однако анализы марсианской почвы, проведенные бортовыми биокамерами обоих «Викингов» сорок лет назад, ситуацию несколько не прояснили.

...Аппараты и роверы последующих миссий обнаружили на Марсе воду (в замерзшем состоянии), нафотографировали кучу причудливых камней, очертаниями напоминающих краба, зайца, рыбу, ящерицу, человека, – но ясного, однозначного ответа на сакраментальный вопрос **«Есть ли жизнь на Марсе?»** опять-таки не дали.

Все надежды были обращены на аппарат российско-европейской миссии «ЭкзоМарс-2016», который должен был достичь орбиты Марса 19 октября 2016 года.

Но в тот день десантный модуль «ЭкзоМарса» вместе с прикрепленным к нему ровером-марсоходом разбился вдребезги о марсианскую поверхность, где-то на плато Меридиана, неподалеку от марсианского экватора., разбился, несмотря на парашют, тормозной аэродинамический экран и включенные двигатели мягкой посадки...

Кто-то там, наверху, испытывает терпение экзобиологов...

Ну и как продолжение:

СЭР ЭКСТРАПОЛЯТОР И ЕГО ЧУДОВИЩА

Китай, экзобиология, научная фантастика...

Если представлять эти три понятия в виде световых лучей, то они у меня сейчас сошлись в фокусе, называемом **«2010: Одиссея Два»**. В этом романе, изданном в 1982 году и принадлежащем перу известнейшего британского астрофизика и писателя-фантаста Артура Кларка (Clarke A. 2010: Odyssey Two) описывается, помимо прочего, трагическая гибель китайского космического корабля «Цянь», который, по воле писателя, совершил посадку на Европе – одном из спутников Юпитера – в 2010 году... Европа в реальности представляет собой сплошной океан из самой настоящей воды, океан глубиной в 50 километров; поскольку на Европе нет атмосферы, верхний слой воды соприкасается с лютым космическим холодом и превращен в многокилометровую ледяную корку. Но, поскольку в глубинах европейского океана кое-где происходят тепловые процессы, лед в некоторых местах трескается, образуя так называемые «каналы», затянутые тоненькой ледяной корочкой. Возле одного из таких реальных каналов и опустился вымышленный «Цянь», чтобы закачать в баки воду. На свою беду китайские астронавты зажгли множество прожекторов мощностью в пять киловатт, чтобы работать при их свете; по этой причине «Цянь» напоминал расщепленную огнями новогоднюю елку; яркий свет легко проникал сквозь лед.

...Один из китайцев, астроном и экзобиолог Чанг, первым заметил, как из океанской бездны поднимается громадная темная масса; немногим погодя на край канала выползло, проломив тонкий лед, необыкновенное существо...

Вот как описывает его Чанг (русский текст дается в переводе М. Романченко и М. Шевелева):

«...будто огромное поле водорослей двигалось по грунту... Оно перемещалось медленно, я мог легко обогнать его. Мне казалось, я знаю, что это такое – я видел съемки полей ламинарий у побережья Калифорнии. Но я ошибался...

...понимал, что ему неважно. Оно никак не могло выжить при температуре на сто пятьдесят градусов ниже той, к которой привыкло. Похожее на черную волну, оно продвигалось вперед все медленнее и превращалось на ходу в лед – от него откальвались большие куски. Мне трудно было собраться с мыслями, и я не понимал, что оно собирается делать...»

Тем временем чудовище, поднявшееся из глубин европейского океана, двинулось в сторону космического корабля и стало взбираться на него. «Цянь» не выдержал такого натиска, упал и разбился о лед. Никто не мог воспрепятствовать этому. Весь экипаж «Цяня» погиб.

В живых остался лишь Чанг, от лица которого и ведется повествование.

Свалив космический корабль, чудовище оборвало все кабеля, кроме одного; огни погасли, гореть остался лишь один прожектор, рядом с единственным уцелевшим китайским астронавтом. Чудовище поползло к нему. Стало очевидно, что европейская тварь тянется к свету, и что корабль она разрушила, скорее всего, преднамеренно.

Чанг, только что переживший страшную трагедию и понимающий, что жить ему осталось немного (пока не кончится воздух в баллонах скафандра), не потерял, тем не менее, присутствия духа и рассказывал по радиации все, что видел, адресуя свое послание человечеству. Вот как он описывал приближающееся чудовище:

«...Представьте себе дуб – нет, лучше баньян с его многочисленными стволами, – расплюснутый силой тяжести и пытающийся ползти по земле... Затем я увидел, что на ветвях образуются бутоны. Это напоминало ускоренный показ кадров с распускающимися цветами. Я действительно решил, что это цветы – каждый величиной с человеческую голову. Нежные, ярко раскрашенные лепестки начали раскрываться. Я подумал, что никто никогда не видел этих красок. Их просто не существовало до появления наших огней в этом мире.

...Зябнут слабые тычинки... Я приблизился к живой стене, чтобы лучше разглядеть происходящее... Вокруг было множество цветов, одни уже раскрылись, другие только начали распуститься. Теперь они напоминали мне мотыльков, едва вылупившихся из своих куколок, – новорожденных бабочек с мягкими, еще не расправленными крыльями...

Но цветы замерзали – умирали, едва успев родиться. Один за другим отваливались от своих почек, несколько секунд трепыхались, словно рыба, выброшенная на берег, и я, наконец, понял, что они такое. Их лепестки – это плавники, а сами они – плавающие личинки большого существа. Вероятно, оно проводит большую часть жизни на дне и, подобно земным кораллам, посылает своих отпрысков на поиски новых территорий.

Я встал на колени, чтобы получше рассмотреть маленькое создание. Яркие краски тускнели. Лепестки-плавники отпадали, превращаясь в ледышки... Я заметил, что каждая тычинка – как я их назвал – заканчивается ярким голубым пятнышком. Они напоминали сверкающие сапфиры или голубые глазки на мантии устрицы. Светочувствительные, но еще не способные формировать настоящие зрительные образы. У меня на глазах их яркий голубой цвет потускнел, сапфиры превратились в обычные невзрачные камешки».

Потом Чанг оборвал оставшийся кабель, и последний прожектор погас. И тогда *«...существо медленно двинулось, отступая к каналу. Света было достаточно – я прекрасно все видел. В небе сияли Ганимед и Каллисто, Юпитер выглядел гигантским узким серпом...*

Я проводил его до самой воды... Хрупкие льдинки хрустели у меня под ногами... Казалось, приближаясь к каналу, оно набирается сил, будто знает, что возвращается домой. Интересно, выживет ли оно, чтобы расцвести вновь...

...оно исчезло в воде, оставив еще несколько мертвых личинок на чуждой ему суше. Несколько минут вода кипела, пока спасительный слой льда не отделил ее от вакуума...»

Доживая свои последние часы, Чанг методично продолжал передавать свое сообщение людям Земли. Радиосигналы несли его слова: «Самое главное: на Европе есть жизнь! На Европе есть жизнь!»

Потом китайский астронавт озвучил свою последнюю волю: назвать новое открытое инопланетное чудовище его именем, а также попросил похоронить погибший экипаж на родине, в Китае...

Позднее выяснится, что в океане Европы обитают и другие виды организмов.

Правда, обитают они на самом дне; исходящее от ядра Европы тепло образует своеобразные «оазисы», к которым и жмутся различные формы жизни. Описанный же Чангом «баньян», занимающий своими «ветвями» пространство в сотни квадратных километров, являлся единственным живым существом, отваживающимся путешествовать по океанскому дну, переползая от одного «оазиса» к другому... А учуяв наверху свет – всплыл и ненароком погубил космический корабль...

2010-й уже миновал. Китайцы пока что не добрались до окрестностей Юпитера, да и никто из людей не добрался. В реальности китайцы высадили на обратной стороне Луны шестиколесный ровер и прорастили в специальной камере хлопковое семечко... Что ж, как гласит древняя китайская мудрость: **«Даже самая длинная дорога начинается с первого шага»**...

Чем вдохновлялась фантазия Кларка, придумавшего бродячий «баньян», я, кажется, догадываюсь. Знаменитый британец живо интересовался не только Космосом, но и Мировым океаном. Один из примеров тому – фантастический роман **«Большая глубина»** (Arthur C. Clarke. The Deep Rang, 1957). Его действие происходит в будущем. Человечество успешно осваивает Космос, исследует Марс, пытается изменить климат Венеры; но немало у человечества дел и на Земле, а точнее – в Мировом океане. И вот люди, установив контакт с дельфинами, изучают морские глубины, в океане действуют китовые фермы, и китовые пастухи (одна из профессий будущего) сопровождают стада финвалов и сейвалов, охраняя их от хищников, от касаток и гигантских кальмаров... Главный герой романа, Уолтер Франклин, – как раз такой вот смотритель подводного хозяйства. Опасные приключения начинаются для него с появлением гигантского кальмара, которому дали прозвище **Перси**, и который безжалостно истреблял китов. По мнению начальства, Перси подлежал уничтожению, но Франклину и его единомышленникам удалось настоять не на убийстве кальмара, а на его поимке. И вот на страницах романа Франклин и его напарник Дон Берли опускаются в глубины, оба на дозорных мини-субмаринах. Поиск происходит на глубине примерно тысячи ста метров. Кларк описывает величественные пейзажи морских глубин, открывающихся взору человека, все эти склоны подводных гор и чудовищной глубины провалы... жаль только, что видеть всю эту красоту можно лишь на экранах специальных аппаратов, ибо вокруг царит мрак – лучи солнца на такую глубину не проникают... Итак, мини-субмарина Франклина плывет, окруженная рыбами, словно своеобразной челядью, как вдруг человек замечает на экране гидролокатора какую-то неясную, расплывчатую цель. Далее – по тексту (в переводе Л. Жданова):

«...за триста футов до цели рыба челядь Франклина вдруг поспешно разбежалась, точно почуяла, что здесь небезопасно. Двести футов... Он включил световую приманку, и, помедлив несколько секунд, нажал клавиши прожекторов и телевизора.

*По дну моря шагал лес, лес судорожно извивающихся стволов. Великий Кальмар на миг замер, точно осаженный прожекторами: должно быть, он видел их не зримый для человеческого глаза свет. Потом молниеносно подобрал щупальца, сжался в плотный обтекаемый ком и ринулся навстречу подводной лодке, пустив на полную мощность свой водомет. В последний момент кальмар свернул в сторону, и Франклин успел заметить громадный, не меньше фута в поперечнике, глаз (фут, напомним, равен примерно 30 сантиметрам – **А.Х.**). Последовал мощный удар в корпус лодки, и в кабине раздался скребущий звук, словно металл царапали огромные когти... Было слышно, как рвали провод иллюминации... Определить, что сейчас делает кальмар, не было никакой возможности. То и дело лодку сильно встряхивало...*

– Ты не видишь, что он там творит? – жалобно спросил он Дона.

– Вижу, он держит тебя восемь щупальцами, а двумя ловчими тянется ко мне. А как цвет меняет, чудо – не берусь описать. Хотел бы я знать, он в самом деле пытается тебя слопать или это в нем страсть играет...»

Повторяю, герои романа вовсе не стремятся убить чудовище; напротив, в их планы входит пленить его и поднять на поверхность живьем. После продолжительной и опасной схватки Франклину и Берли удастся оглушить чудовище с помощью специальных анестезирующих и наркотических бомб и всплыть вместе с ним к специально оборудованному плавучему доку. Уже там люди *«впервые по-настоящему увидели чудовище, которое вытащили из морской пучины. Они долго рассматривали эти сильные гибкие щупальца тридцатиметровой длины, несчетные присоски с жесткими крючьями, медленно пульсирующий сифон, громадные глаза хищника, вооружение которого превосходило все, что когда-либо видел свет»*.

Шагающий по дну лес... Не правда ли, есть некоторое сходство между гигантским головоногим моллюском из земного океана и громадной странной тварью из океана Европы, тварью, классифицировать которую не представляется возможным – животное это? растение? что-либо еще?

Мне кажется, о сэре Артуре Кларке следует рассказать поподробнее.

Этот удивительный человек родился 16 декабря 1917 года, в городке Майнхэд (Сомерсет, Англия). В 1936 году переехал в Лондон, работал в казначействе и в то же самое время стал активным членом Британского межпланетного общества (**BIS**). Во время Второй мировой войны Артур служил в Королевских военно-воздушных силах. После войны он окончил Королевский колледж в Лондоне с почестями первого класса в физике и математике. Стал известен и как ученый, и как фантаст, и как предсказатель, и, кроме того, активно занимался дайвингом... Правда, сам Кларк очень не любил, когда его называли «предсказателем» или «пророком».

«Я бы предпочел другой термин – экстраполятор, – говорил Кларк. – Все, что я пытался сделать, – это представить веер возможных вариантов будущего. Я почти уверен в датах и сроках. События и технические свершения запланированы уже сегодня, и, если не произойдет ничего экстраординарного, все случится так и тогда, как я предсказываю. Интуиция меня не подводит, хотя по поводу многих прогнозов я сто раз предпочел бы ошибиться!»

Уточню, что экстраполяция – это распространение каких-либо понятий или явлений, относящихся к какой-либо определенной области (или времени) на другую область (или время). В случае с Кларком экстраполяция, проще говоря, – это выведение будущего из настоящего и прошлого... В середине прошлого века Артур Кларк насовсем переехал жить на остров Шри-Ланка (бывший Цейлон). В 2000 году Кларка за многочисленные заслуги перед наукой и искусством возвели в рыцарское звание. И все бы хорошо, но... Но 19 марта 2008 года великий экстраполятор, предсказавший многие реалии будущего, жизнерадостный человек, рассчитывавший отметить свое столетие в Космосе, – умер у себя дома, умер от проблем с дыханием, возникших в результате давнего постполиомиелитного синдрома, и был похоронен по шриланкийским обычаям...

Артур Кларк и вправду прославился своими довольно точными прогнозами будущего – подходил названный ученым срок, и те или иные его фантастические предположения становились реальностью. Кларк предсказал расположение спутников связи на геостационарной орбите (в связи с чем Международный астрономический союз официально присвоил этому понятию название **«орбита Кларка»**), появление Интернета, машинный перевод, развитие атомной энергетики и автоматики, прогресс ЭВМ и прогресс антибиотиков, работы по созданию искусственного разума, высадку человека на Луне (с небольшой, правда, ошибкой в дате). Предсказанное Кларком клонирование человека по срокам точно совпало с сомнительными операциями скандально известного доктора Антинори, который первым открыто заявил о клонировании. Так вот, одно из предсказаний Артура Кларка звучит так: *«В 2011 году в Марианской впадине, глубочайшей впадине Мирового океана, будет обнаружено самое большое из живых существ, 75-метровый кальмар. По странному совпадению,*

в этом же году будут найдены еще более крупные обитатели океана, но не на Земле – космический робот обнаружит этих гигантов, проникнув под лед Европы (одного из спутников Юпитера)». И лично меня, как биолога и как фантаста, из всех предсказаний Артура Кларка занимают колоссальные твари, которых якобы должны были обнаружить в океане Европы (скорее всего, имелся в виду тот самый «баньян»), а также ультрагигантский кальмар, которого якобы найдут в Марианской впадине... О гигантских кальмарах (мегатойтисах и архитойтисах) мне многое известно: среди них попадаются очень крупные экземпляры, до 20 метров длиной. Существование более крупных индивидов пока что научно не доказано, но я вполне допускаю, что подобные химерические чудовища и в самом деле могут обитать в глубочайших впадинах Мирового океана...

2011-й, повторяю, уже прошел. В марте 2012-го дна Марианской впадины достиг в батискафе знаменитый канадский кинорежиссер и продюсер Джеймс Кэмерон; из живности он не обнаружил там ничего, кроме множества мельчайших, словно пылинки, рачков. В мае 2019-го там же побывал американец Виктор Весково, бывший военный моряк, а ныне путешественник, и застал там все тех же рачков, креветок да еще мусор в виде пластикового пакета (неважная замена 75-метровому кальмару)...

Под ледяную корку, покрывающую океан Европы, пока не заглянул ни человек, ни робот.

Но все еще, я думаю, впереди.

Все еще впереди...

...Иногда – в последнее время все чаще и чаще – на меня находит уныние. Тому способствует пронизывающая нас всех высоконегативная информация, в глубинах которой безнадежно теряется еще кое-где встречающийся позитив. И тогда становится трудно сохранять философский взгляд на вещи, становится трудно сохранять гармонию с миром, становится крайне трудно сохранять душевное равновесие. И тогда планета Земля в моем представлении уже не «наш дом», а колоссальный дурдом, из которого уволились психиатры, а остались одни больные и санитары. И все чаще вспоминается фраза Кришнамурти: «Не хватит никакого здоровья, чтобы приспособиться к этому глубоко больному обществу». И остро ощущаешь свою никчемность, ненужность, незначительность в этом мире. Более того, настойчиво лезет в голову мысль о полной бессмысленности мира в целом. И тогда рождаются белые стихи, подобные этому:

НЕАНДЕРТАЛЕЦ (Баку, март 2007г.)

*Смотрю на гипсовый бюст неандертальца
в музее,
на его низкий лоб
и мощный подбородок,
заглядываю в маленькие глаза
под громадными надбровными дугами
и думаю, думаю...
Ты был жилист и мускулист, неандерталец,
а я – мягок и слаб.
Накинув шкуру, ты бродил по ледяным равнинам
и мёрзлым лесам,
а я с тревогой смотрю в окно –
не идёт ли дождь,
ибо боюсь простудиться
даже в пальто.*

Ты был равнодушен к ранам,
полученным в бою,
а я при каждой незначительной болячке
в панике бегу к врачам.
Ты выходил один на один
с пещерным медведем,
а я бессилён перед хамом-продавцом;
ты бесстрашно поджидал несущегося на тебя
во весь опор
бизона,
а я боюсь проносящихся мимо машин.
Ты мог голыми руками задушить рысь,
а я настораживаюсь от каждого стука в дверь;
завалив мамонта, ты рвал зубами мясо,
много мяса,
а я с сокрушённым вздохом
пересчитываю на ладони
последние медяки.
Убив в схватке воина враждебного племени,
ты с наслаждением поедал его,
а я... нет, я не каннибал,
но иногда мне очень хочется загрызть
кого-нибудь из людей;
к тому же я частенько оказываюсь среди каннибалов,
которые хотели бы съесть меня утончённо,
изысканно.
Завидую тебе, пращур:
копье, каменный топор, плоский каменный нож,
грубая дубина –
вот и всё, что у тебя было;
а я окружён миллионом вещей, в том числе и
бесполезных...
Ты был хозяином Ойкумены,
Ойкумены ледников и мамонтов,
а я – я всего лишь винтик этого смрадного
технологического мира.
Боже, как я деградировал
по сравнению
с неандертальцем!
Какое мне дело до того,
что выпускаются всё новые
и умопомрачительно совершенные модели
мобильных телефонов,
что создаются суперновейшие автомобили,
похожие на сказку,
и что космическая станция
фотографирует
кольца Сатурна,
если я –
всего лишь
винтик?

По счастью, подобные приступы пессимизма и меланхолии рано или поздно проходят, и окружающий мир вновь приобретает и иные цвета, помимо черного. Наверное, меня выручает врожденный неистребимый оптимизм. Не будь его – страшно даже подумать, во что бы я превратился. Художник и философ, лишенный оптимизма вовсе или обладающий им в недостаточной степени, – ходячий труп. Зомбак.

Но современный мир, пропитанный абсурдом, мотивированной и немотивированной жестокостью, профессиональным цинизмом, воинствующим идиотизмом, опасным фанатизмом и массовым пофигизмом, мало располагает к благодушию. От сверхдалних бомбардировщиков, парящих в стратосфере, и до кита, подавившегося сорока килограммами плавающего в океане пластика; от беспощадно вырубаемых тропических лесов в бассейне Амазонки, и до очередного «стрелка», страшного своей полной вменяемостью, который деловито разряжает обойму в совершенно случайных людей, имевших несчастье попасться ему на пути; от элегантных улыбчивых ведущих, поедающих мясо друг друга в прямом эфире, и до бесценных книг, выброшенных на помойку; от развалин древней Пальмиры, взорванной ИГИЛовцами, и до азербайджанского ученого, всерьез полагающего, что причина землетрясений заключена в женщинах, носящих джинсы, – все это (и многое другое в таком же духе), взятое в совокупности, сильно угнетает как многих людей, так и отдельно взятого человека. Личностной деформации может воспрепятствовать только оптимизм. И не «пустой» оптимизм, а убежденность в том, что со всем этим еще можно что-то сделать, справиться и коллективно, и в одиночку... Если не ошибаюсь, такая форма оптимизма называется «мидиевизмом».

(Сейчас, когда я пишу эти строки, Интернет-сообщество обсуждает выступление профессора Стокгольмской школы экономики Магнуса Содерлунда на Gastro Summit в шведской столице; сей ученый муж высказался в пользу узаконенного каннибализма – по его мнению, употребление в пищу человеческого мяса, полученного из трупов, помогло бы решить продовольственную проблему и спасти человечество от голода, если бы мировое сообщество обратилось к этой идее. Консервативное табу против каннибализма, по словам профессора, со временем может измениться, стоит лишь людям попробовать человеческое мясо... Вот так вот – примите и распишитесь. Уже не только мозг – ритуально; уже не только кусочки тел – ради рейтинга; тела полностью предлагается употребить в пищу, чтобы как-то прокормить восьмимиллиардное население Земли... О, мой оптимизм, держи меня крепче!

С другой стороны... *«...у некоторых народов, как нам известно, до сих пор еще в силе закон, по которому тело покойника должно съедаться его родственниками, причем дело нередко обстоит даже так, что они ругательски ругают умирающего за то, что он слишком долго хворает и портит тем самым, по их словам, свое мясо...»* (Петроний Арбитр, I век н. э.)

...Где-то там, почти на окраине Солнечной системы, движется по извечной орбите Сатурн – колоссальный водородный пузырь с загадочным гигантским шестиугольником на северном полюсе, опоясанный гигантскими кольцами, состоящими из частичек льда; вокруг Сатурна вращаются его разновеликие «луны», числом 62; и среди них – самая крупная «луна», Титан, фактически небольшая планетка с плотной атмосферой... а ведь это единственный, уникальный случай в Солнечной системе, чтобы естественный спутник – и с атмосферой...

И пусть тамошний воздух представляет собой дьявольский коктейль, совершенно не пригодный для дыхания земного человека – это еще ничего не значит, на человеке свет клином не сошелся...

А вдруг? Ну, все-таки?..

Ведь промелькнуло же сообщение о том, что при облете Титана зоркая оптика аппарата «Кассини» якобы зафиксировала в метано-этановом озере рыбообразное существо, бородатое, колючее – сенсация, правда, не имела продолжения... О том, как выглядит суровый мир Титана, «рассказала» нам аппаратура зонда «Гюйгенс», который опустился, раскрыв парашют, в районе Ксанаду, зимой 2005 года.

Чтобы позабавить журналистку, я придумал, будто являюсь разумным существом с Титана, существом, абсолютно не похожим на человека Земли... Еще я придумал, будто выживание в суровых условиях сформировало в титанцах такие качества, как великодушие, честность, отзывчивость, взаимовыручка, самопожертвование, ответственность...

Без ложной скромности отмечу, что обладаю многими из перечисленных качеств. Но для этого мне вовсе не обязательно было родиться на Титане, вдалеке от Солнца... Или скажу иначе: моим Титаном был Баку – лучший город Земли; Баку и воспитал меня таким, каков я есть; а я, смею заявить, далеко не самый худший из людей.

...Более полувека отделяет меня сегодняшнего от меня шестилетнего, с упоеанием читавшего «Звездные корабли». Что изменилось за это время, что ушло, что осталось? Жизнь проехала по мне нешуточно, и, признаюсь, я сильно изменился с тех пор. Но что осталось неизменным:

когда под ворохом негативных известий я случайно или преднамеренно отыскиваю чудесные новости;

когда я вижу сделанную в инфракрасном диапазоне фотографию ядра нашей Галактики (27 тысяч световых лет! чего вовек не разглядеть – из-за скоплений межзвездного газа и пыли – человеческому глазу, разглядело электронное «око» космического телескопа NASA «Спитцер»);

когда я узнаю, что учеными найдены окаменелые клетки возрастом 3 миллиарда 400 миллионов лет (попробуйте представить, какая бездна Времени отделяет древние примитивные организмы от людей, которые их нашли и исследуют, представьте эту встречу *Homo Sapiens* с родоначальниками всего живого на Земле, в том числе и *Homo Sapiens!*);

когда я читаю о подробностях открытия бозона Хиггса, совершенного на Большом адронном Коллайдере (поверьте, погружение в глубины микромира не менее увлекательно и интересно, чем полеты в Космос!);

когда я общаюсь с легендарным роботом-гиноидом Софией, умеющим выражать 62 эмоции своим эластичным женским псевдоличиком –

– я вновь чувствую себя маленьким мальчишкой, который сидит на полу в бакинской квартире и замороженно разглядывает форзац книжки, а на форзаце – два динозавра, изогнув шеи, провожают взглядом падающий метеор...

И испытываю гордость за человечество, которое умеет не только гадить, разрушать, убивать, извращаться...

(Баку, закончено в ноябре 2019 г.)

**Дорогой Саша! Успехов в творчестве, здоровья и радости –
редакция «Литературного Азербайджана»**
